

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

МОСТ ЧЕРЕЗ БЕЗДНУ

Андрей Львович Ливадный
Мост через Бездну
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 39

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146833

Мост через Бездну: ЭКСМО; 2005

ISBN 5-699-12179-X

Аннотация

...Перед Яной стоял логрианин. Две его змееподобные головы молча уставились на нее. Гиперпространство, ставшее единственной реальностью для тех, кто умеет манипулировать им, свело двух обитателей Космоса вместе, и разделявшие их три миллиона лет ничего не значили в этот миг. Где-то далеко, на одной из Вертикалей таинственной Аномалии сейчас погибали тысячи людей. И эта встреча с ксеноморфом поможет Яне и Джону Митчеллу Сент-Иво спасти их. Они перекинут мост через Бездну и пройдут по нему, проторив дорогу на другую сторону Бесконечности... 3827 год. Любовь и ненависть. Безнаказанность и здравый смысл. Кибрайкеры – хакеры будущего и мнемоники – люди противостоящие им. Чувства, вырывающиеся из виртуальной среды и внезапно обретающие плоть, – все это, сплетаясь в едином клубке событий, внезапно становится хрупкой опорой для первого мостика,

перекинутого через вертикали гиперсферы, по ту сторону
Бесконечности...

Содержание

Пролог.	5
Часть 1.	17
Глава 1.	17
Глава 2.	55
Глава 3.	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Андрей Ливадный

Мост через Бездну

Время действия согласно Хронологии
«Истории Галактики» – 3827 год.

Пролог.

Киберпространство безгранично.

Раньше, в далекую эпоху, когда человечество еще не перешагнуло границ Солнечной системы, подобный постулат можно было оспорить: при всем многообразии компьютерная сеть планеты Земля все же имела определенные физические рамки, но уже тогда проявилось главное свойство виртуальной реальности, – отключившись от компьютерных мощностей, человек еще некоторое время продолжал в своих мыслях жить впечатлениями искусственно созданных Вселенных. Он уносил с собой частицу *нереального*, осознавая ее как новое впечатление.

Так, день за днем, год за годом, в ритме стремительного развития телекоммуникационных и компьютерных технологий, формировалось новая среда, которую позже назовут единым информационным полем цивилизации.

Вселенная, где обитает не тело, но разум.

Впрочем, пути развития человечества определялись не только успехами в области кибернетики.

После открытия феномена гиперсферы, наступила эпоха Великого Исхода, когда сотни колониальных транспортов покидали Солнечную систему, унося людей к далеким, неизвестным звездам. Это случилось в двадцать третьем веке, а спустя четыреста лет грянула Первая Галактическая война.

Вехи истории... Они неразрывно связаны с дальнейшим, зачастую взрывообразным развитием кибернетических технологий. Космос предъявил к людям жесточайшие требования, в виде тысяч новых угроз, но самым мощным импульсом для развития высоких технологий послужила война. Полувековое противостояние Земного Альянса и Колоний заставило обе противоборствующие стороны стремительно развивать не только тяжелую промышленность, но и наукоемкие производства, создавая все новые, более изощренные, совершенные виды машин, разрабатывать и внедрять средства межзвездной связи, функционирующие на основе гиперпространственных передатчиков, получивших название Станций Гиперсферной Частоты (сокращенно «ГЧ»).

Война, как крайняя форма человеческих взаимоотношений ужасна, но многолика. С одной стороны она сеет смерть, горе и ненависть, с другой является недюжинным двигателем прогресса. Конфликт Земли и Колоний дал человечеству не только межзвездную связь: в период с 2609 по 2659 гг были разработаны первые безопасные импланты, соединяю-

щие мозг человека с компьютером, а сами кибернетические системы в условиях непрекращающейся ни на миг «борьбы умов», были доведены до той степени самодостаточности, быстрогодействия и надежности, когда отдельно взятые машины или компьютерные комплексы могли годами исполнять свои функции в режиме жесткой автономии.

Именно война породила мыслесканер Джедиана Ланге, и печально знаменитые кристалломодули «Одиночек», которые содержали на своих носителях не только боевые программы для управления сложнейшими серв-машинами, но и частицу человеческого разума: искусственный интеллект «Одиночек» посредством прямого нейросенсорного контакта перенимал уникальный опыт пилотов, и пользовался им, не только воспроизводя, но и совершенствуя несвойственные для машин тактические приемы...

К концу Первой Галактической баланс между людьми и машинами давно перешагнул за грань фола. Казалось, что кибернетические системы довершат начатый людьми процесс взаимного истребления и останутся единственными победителями...

Этого к счастью не произошло.

Падение Земли поставило точку в полувековом противостоянии, а спустя столетие на базе Союза Свободных Колоний была создана первая Конфедерация Солнц, объединившая десятки человеческих миров.

Начался новый созидательный виток истории, в течение

которого созданная во время войны технологическая база приобрела иную направленность. Станции Гиперсферной Частоты успешно связали между собой освоенные системы, удаленные на десятки, а иногда и на сотни световых лет друг от друга, создав единое информационное пространство, доступное для всего человечества.

Сеть Интерстар опутала звезды, дав людям возможность вновь почувствовать себя единой цивилизацией. Технологии имплантации к тому времени уже распространились повсеместно, без выхода в виртуальную среду ни один человек не мог более или менее эффективно работать: по статистике на каждого гражданина Конфедерации приходилось более тысячи сложнейших кибернетических систем, прочно внедренных в быт и производство. Контакттировать с ними приходилось ежеминутно, поэтому стандартные импланты для прямого нейросенсорного обмена данными между человеческим мозгом и машинами вживлялись каждому новорожденному в первые дни жизни младенца.

Люди, зачастую не отдавая себе отчета в глобальности происходящих на их глазах процессов, шагнули на следующую ступень эволюционного развития.

Теперь разум индивида, не ограниченный межзвездными расстояниями, многократно усиленный за счет вычислительной мощности контактирующих с ним машин, получил, наконец, возможность к реализации всех заложенных в него природой потенций... однако, процесс сближения че-

ловека и компьютера, взаимопроникновение биологической и кибернетической составляющей оказался растянут на столетия: все вершилось плавно, проходя на уровне обыденности, без острого осознания революционной глобальности перемен.

В этом таилась серьезная опасность.

Безусловно, большинство граждан Конфедерации Солнц, используя киберпространство для работы или отдыха, вели обычную повседневную жизнь, воспринимаемую как данность... однако потенциальные возможности человеко-машинных комплексов несли не только информационный комфорт, они открывали миллионы новых возможностей, создавали идеальные условия для глубочайших научных исследований, которые теперь мог выполнить одиночка, – главное чтобы он осознавал, какую власть над материальным миром получил человек.

Казалось, этого не понимают даже в Совете Безопасности Миров: тяжкое наследие Галактической войны продолжало довлеть над рассудком власть предержащих. Такой односторонний подход невольно сконцентрировал всю систему запретов и сдерживаний в мире материальном, оставив необъятное и фактически анонимное киберпространство без надлежащего контроля.

В послевоенный период человечество начало бурное освоение новых планетных систем, и уже третья волна Экспансии выплеснулась за пределы обитаемого космоса: появи-

лись сотни новых колоний, которые в первую очередь старались обеспечить себя станцией ГЧ, следовательно – включались в сеть Интерстар, без связи с которой уже не мыслилась ни эффективная гиперсферная навигация, ни успешное развитие молодых колоний.

Именно там, на Окраине освоенного космоса, сконцентрировался пестрый конгломерат из ученых, авантюристов, молодых представителей бизнеса, которые в большинстве являлись одиночками, далекими от размеренного планового быта. Они жаждали многого, и единое информационное поле давало им возможность к самореализации.

Так возник феномен Зороастры – планеты, где группа ученых-генетиков переподчинила своим целям биосферу дикого, враждебного мира, путем генной инженерии создав из его исконных обитателей послушных биологических роботов; там же, на Окраине в послевоенный период по воле одного человека была организована и начала свою деятельность корпорация «Галактические Киберсистемы», быстро наполнившая рынок робототехники дешевой продукцией, сомнительного этического толка.

Существовали еще сотни примеров, когда люди, используя свои новые возможности и единую информационную инфраструктуру сети Интерстар, совершали уникальные открытия или воплощали проекты, которые раньше были по силам разве что целым научно-исследовательским институтам наиболее развитых планет.

Рынок робототехники постоянно пополнялся сотнями новых совершенно непохожих друг на друга образчиков кибернетических систем, появились первые биороботы, созданные на основе клонов человека, и это, наконец, послужило тревожным сигналом: ни силовые структуры Конфедерации Солнц, ни юридические санкции Совета Безопасности уже не могли дать эффективных результатов, – процесс развития новых технологий вошел в неуправляемую фазу, когда выяснилось, что власть человека над законами природы давно перешагнула черту разумной дозволенности и насущной необходимости.

Некоторые технологии, напрямую связанные с кибернетикой, оказались во много раз опаснее, чем аннигиляционная установка «Свет» – самое разрушительное оружие минувшей Галактической войны.

Закон «О правах Разумных Существ», обязательное лицензирование всех новых разработок, печально знаменитый разгром Зороастры, падение корпорации «Галактические Киберсистемы», ограничение на количество нейромодулей¹ и имплантов, которыми может обладать индивид, – все явилось мерами оправданными, но запоздалыми. Они навели относительный порядок на рынке робототехники, установили допустимый уровень «киборгизации» человека, но само киберпространство осталось прежним – необъятным, до-

¹ Нейромодуль и кибермодуль – два названия одностипных устройств, подключаемых к имплантам.

ступным и анонимным – его не посмели тронуть, слишком важную роль играла сеть Интерстар в единении человеческих миров.

Люди по-прежнему продолжали осваивать новые солнечные системы, Экспансия вплотную подошла к Рукаву Пустоты – пространству без звезд, где некогда обитали разумные расы древнего космоса, частично уничтоженные, а частично вытесненные в неизвестном направлении миграцией загадочных Предтеч, – представителей малоизученной космической формы простейших живых существ.

На некоторое время Галактическое сообщество отвлек от животрепещущих внутренних проблем поток таинственных открытий и загадочных артефактов, хлынувший на рынки из смертельно опасных пространств Рукава Пустоты.

Постепенно год от года перед взором потрясенного человечества раскрывались подробности трагедии трехмиллионнолетней давности, которая, как казалось, полностью уничтожила три древние расы, оставив после себя полный опасностей и артефактов Рукав Пустоты.

Люди не предполагали что в глубинах Рукава скрыто от посторонних глаз шаровое скопление звезд, где поработанные Харамминами – исконными хозяевами скопления – до сих пор обитают две древние расы: Инсекты и Логриане, а за людьми вот уже более полувека наблюдают внимательные глаза голубокожих гуманоидов.

...

Сейчас все вышеперечисленное уже принадлежит новейшей истории. После атаки Харамминов на центральный узел сети Интерстар, человечество, вмиг утратившее межзвездную связь, заглянуло в глаза информационному вакууму, который для сообщества сотен миров означал медленную деградацию.

Столкновение с Харамминами получило название «Семидневной Войны» в результате которой было заново открыто шаровое скопление звезд, а центральный узел сети Интерстар восстановлен на базе древней сверхмашины расы Логриан – так называемого Логриса.

Теперь информационные потоки человеческой сети текли по периферии виртуальных вселенных, где обитали разумные древних существ; с шарового скопления сняли вуаль забвения, которую обеспечивали искривляющие метрику пространства устройства, а в новую, возрожденную Конфедерацию Солнц вошли две ксеноморфные расы.

Такова краткая предыстория современного киберпространства, которое в реальности объединяет две компьютерные сети – человеческий Интерстар и древний Логрис.

Мы по-прежнему безудержно движемся вперед, не замечая того, что в границах освоенного космоса, словно копируя печально знаменитый Рукав Пустоты, после нас остаются самые настоящие артефакты, – обломки разгромленных корпоративных оплотов, кладбища кораблей, времен Первой Галактической, неудавшиеся колонии, и везде, где сту-

пала нога человека, теплится, порой не заявляя о своем существовании, искусственно созданная жизнь.

Машины, способные ждать веками, тысячелетиями пока кто-либо вспомнит о них... или они сами пройдут собственный путь развития и заявят о себе...

Это похоже на движение по краю пропасти.

Мы уже не можем остановить Экспансию: человечество разрослось, обрело многообразие, видоизменяясь под воздействием биосфер различных планет, и единственное, что осталось у нас общего, – это единое информационное поле, киберпространство, границ которого, после слияния с древним Логрисом, теперь уже не сможет очертить никто.

Мы, по сути, давно живем в двух параллельных вселенных, каждая из которых имеет свои законы.

С одной стороны это мир физический, который принято обозначать термином «реал», а с другой – фантомное пространство, виртуалка, в контакте с которой неизбежно и ежеминутно находятся разумы миллиардов людей.

Две вселенных две жизни, два образа мышления, две возможности реализовать себя – каждый выбирает свой путь, самостоятельно балансируя «на грани» или срываясь в пропасть...

...

И последнее, но главное, о чем стоит упомянуть: какие бы замысловатые формы не принимало развитие отдельных человеческих анклавов, мы по-прежнему остаемся людьми.

Нами, в отличие от машин управляет не только рассудок, но и чувства. Мы разные, и каждый, либо отдаваясь бурному течению страстей и желаний, либо обуздывая их, создает свою неповторимую линию судьбы.

Эти тонкие, животрепещущие линии могут показаться ничтожными, ничего не значащими в общем потоке исторических событий, но порой, сплетаясь воедино, несколько человеческих судеб способны, если не изменить ход истории, то написать ее яркие страницы.

Древние как мир чувства по-прежнему движут нашими поступками, но, опираясь на современный уровень знаний и технические возможности, эти порывы, простые и понятные в своей изначальной сути, могут вести к глобальным последствиям.

Любовь и ненависть, нежность и ярость, логика и безрассудство, надменность, жадность, стяжательство и альтруизм... — мы живем этим, но в наших руках уже не корявый сук, с заклиненным в наверхшии осколком кремния... и не мотыга, способная превратить бесплодный клочок земли в маленький садик.

Мы вооружены знаниями, последними достижения робототехники, нам доступен весь обитаемый космос и бесконечные вселенные Интерстара, и когда этой мощью начинают двигать страстные порывы отдельных людей, происходят глобальные события.

Какие?

Это зависит от нас самих.

Уничтожить цветущий мир, вернуть во вселенную ужас, или построить хрупкий мост через бездну пространства и времени – мы способны на все... потому что мы люди, самые дерзкие и непредсказуемые существа в доступной осмысленному взору части мироздания.

Часть 1.

Грань миров.

Глава 1.

Неизвестная точка пространства.

Военно-космическая база Конфедерации Солнц...

Четыре сферические секции станции, соединенные между собой жесткими тоннелями стационарных переходов, висели во мраке пространства.

Далекий свет миллиардов звезд не мог ни осветить, ни согреть конструкцию, отданную во власть вечного холода.

В прямом смысле этого слова, потому как здесь получили свое второе воплощение технологии, не применявшиеся в таком масштабе со времен галактических войн.

Четыре сегмента тюремных блоков поделенные на множество одинаковых отсеков напоминали мрачную усыпальницу. В отсутствии дежурного освещения мрак отсеков разгоняли лишь немногочисленные индикационные огни на панелях управления криогенными камерами. Царство автоматики, удаленное на световые годы от ближайшей звездной системы, не нуждалось в многочисленном обслуживающем персонале. Взвод охраны, сменные бригады врачей и ком-

пьютерных техников, в общей сложности насчитывали в своем составе шестьдесят человек.

Первая криогенная тюрьма исправительного типа проектировалась с учетом вероятных посягательств извне: она считалась неприступной. Расположенная в глубоком космосе, оснащенная самыми современными средствами защиты, станция действительно являлась крепостью, для эффективной атаки которой потребовался бы целый флот.

Эти утром (по меркам внутреннего суточного расписания) сюда доставили очередную партию заключенных, которые, во избежание утечки информации и различного рода эксцессов, спали в транспортных криогенных контейнерах.

Корабль, доставивший партию преступников, приговоренных к высшей мере наказания, принял на борт два низкотемпературных саркофага с освобождаемыми, и взял курс на планету Кьюиг, где располагался реабилитационный центр.

Там бывшие преступники очнуться от сверхглубокого сна.

Много лет они спали, в ледяной тиши своих камер, а на их заторможенный разум воздействовали специальные переобучающие программы, которые час за часом, день за днем, меняли психологическую карту личности, вытесняя из памяти все, связанное с преступным прошлым, оставляя лишь воспоминания детства, да искусственно сформированную картину последующей жизни, которая, к примеру, едва не оборвалась в автомобильной или воздушной катастрофе.

Секретный проект давал превосходные результаты.

Бывшие рецидивисты становились нормальными членами общества, – сомнительная «кара» за совершенные злодеяния, но у военных, проводящих исследования, имелись свои далеко идущие цели и собственный взгляд на этику. Пока что эксперимент находился в начальной стадии, – он еще не приобрел того масштаба, когда по статистическим результатам можно будет судить о его окончательном успехе либо провале, и двигаться дальше – от опытов по перевоспитанию закоренелых преступников, к иным, необходимым для армии и флота направлениям исследований. В криогенной тюрьме военные специалисты накапливали опыт, на основе которого в ближайшем, либо далеком будущем будут созданы скоротечные, но эффективные программы обучения, психической реабилитации после ранений, или же специальной подготовки с применением технологий сверхглубокого сна.

...

Планета Аллор.

Вечер 30 марта 3827 года по галактическому календарю.

Парадный подъезд здания колониальной администрации сектора Окраины.

Генрих Владимирович Доргаев покидал свой офис в прекрасном расположении духа. День прошел удачно во всех отношениях, да и вечер обещал быть приятным: поздний брак

имел свои неоспоримые прелести.

Три десятилетия он упорно двигался к заветной цели, и вот, похоже, вершина близка, карьера состоялась, он имел власть, деньги, – все, что обеспечивало положение в обществе и высокий социальный статус. Теперь он мог позволить себе находить маленькие удовольствия там, где раньше они не замечались. Например, отказаться от охраны (зачем она в самом сердце корпоративной Окраины, где сферы влияния строго поделены между чиновниками Колониальной Администрации, лоббирующими интересы какой-то определенной финансово-промышленной группы?) и самому сесть на место водителя шикарного монофункционального «Гесселя», сочетающего в себе функции автомобиля-внедорожника и флаера, не спеша вывести машину из подземного гаража и медленно ехать по ярко освещенным транспортным артериям разросшегося города, предвкушая вечер, который он собирался провести с молодой женой в одном из элитарных клубов...

Сдавленно пискнув, сработала система опознания, – датчики машины уловили приближение хозяина, разблокировав двери.

Генрих Владимирович дождался, пока водительская дверь услужливо скользнет в сторону, открывая отделанный натуральной кожей салон.

Да, определенно жизнь в последнее время обрела новый вкус. – Подумал он, прикосновением пальца активируя бор-

товую систему навигации.

Он не услышал шороха на заднем сидении, лишь болезненно почувствовал, как холодный ствол импульсного пистолета больно вдавил кожу на затылке.

Дано позабытое чувство страха нахлынуло волной бесконтрольной дрожи, тело моментально покрылось липкой отвратительно испариной, когда за спиной раздался хриплый, смутно узнаваемый голос, прозвучавший в унисон вкрадчивому шелесту электромагнитного затвора:

– Ну что, *Генрих*, вот мы и встретились вновь.

Он буквально онемел, мышцы вдруг спонтанно расслабились, превращая грузноватое тело в подобие мешка, набитого плотью.

Не было сил скосить глаза на экран заднего обзора, – воспоминания одно за другим рванулись из темных глубин памяти, и он вдруг понял, что сейчас, в эту минуту, может рухнуть все, к чему он так упорно стремился на протяжении двух десятилетий.

– Не забыл, значит, мой голос. Похвально.

– Что... Что ты хочешь?...

– Задать тебе пару риторических вопросов.

Генрих все же не удержался, скосил глаза на миниатюрный стереомонитор.

Фрайг... Это был ОН. Такой же молодой, беспощадный, уверенный в себе, как и два десятилетия назад.

В криогенной камере не стареют, – пришла тоскливая,

похожая на смертный приговор мысль.

– Не можешь поверить своим глазам? Да, в каком-то смысле ты оказал мне услугу, сдав полиции. Теперь ты жирный, трясущийся и старый, а я по-прежнему молод. И, вопреки твоим ожиданиям, не развожу цветочки в поселении реабилитационного центра на Кьюиге. Двадцать лет... Это очень много Генрих, но в нашем деле нет срока давности, верно?

– Ты убьешь меня? – Сиплый вопрос вырвался вместе с выдохом, сам собой.

– Не знаю. – Жестко усмехнулось изображение в стереомониторе. – Руки, конечно, чешутся. Только я спрашиваю себя: какой толк пачкать хорошую машину твоими мозгами? Не слишком ли легко ты хочешь ускользнуть от возмездия?

– Анжи, времена беспредела прошли. – Хрипло выдавил Генрих, в наивной, нелепой попытке повлиять на призрака, материализовавшегося, как худший из ночных кошмаров, на заднем сидении его «Гесселя».

Отказался от охраны идиот... Поверил в собственную неприкосновенность?... – Подумал он, с усилием выдавив из пересохшего горла несколько тщетных фраз:

– Ты на Аллоре, Анжи, а он изменился... Теперь тут не стреляют по ночам. Давай смотреть на вещи трезво... – Доргаев говорил, глядя на свои побелевшие пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники водительского кресла. – Может я и виноват перед тобой, но ты же понимаешь: в моих силах урегулировать все вопросы и недоразумения... я готов

загладить ошибки прошлого...

– Маленькая поправка, Генрих. – Ствол больно надавил на затылок, – Речь идет не об ошибке. Ты *сознательно* сдал меня, а потом похлопотал, чтобы памятью твоего компаньона занялись военные. Ты вышел сухим из воды, отправив меня в криогенный гроб, на двадцатилетнее промывание мозгов. Могу тебя расстроить: я оказался исключением из правил. Что-то не сработало в их системе, и моя личность осталась со мной.

Генрих едва сдержал рвущийся наружу стон.

Он слишком хорошо помнил их совместный «бизнес». Анжи был убийцей, отморозком, каких надо еще поискать на дикой окраине; он же всегда стремился выбраться из криминальной среды, встать выше ее. Собственно события двадцатилетней давности были направлены именно на это – завязать с диким бизнесом, сохранив полученные от него деньги, и начать карьеру политика.

– Я дорого заплатил за твое кресло в Управлении Колониальной Администрации. – словно прочитав его мысли, жестко произнес Фрост. – И ты вернешь мне этот долг с лихвой. Ну а что касается беспредела, – все в этом мире относительно, вот увидишь. И ты будешь принимать самое деятельное участие в реинкарнации прошлого. – Все же двадцать лет информационного прессинга не прошли для разума Анжи бесследно, – он перемежал свою грубую речь такими словами, которых раньше попросту не знал, но это, к сожалению, не

меняло сути его намерений.

– Если что-то пойдет не так, как я спланировал, клянусь: Аллор захлебнется в крови. А теперь давай, поехали.

– Куда? – Хрипло спросил Генрих.

– У меня назначена встреча на десять вечера. С группой молодых ребят, которым не по нутру тихий и благополучный Аллор, как и вся Окраина, которую вы поделили между собой. От кого ты получаешь деньги?

– Промышленная группа «Эхо». Мощнейшая корпорация Окраины.

– Теперь будешь работать не за деньги, а за свою жизнь. На меня. К Фрайгу все промышленные группы, поехали.

* * *

Он все еще надеялся на чудо, когда «Гессель» съехал со скоростной трассы на дорогу, ведущую прочь от города к небольшим поселениям агротехнических станций.

Ствол пистолета больше не давил на затылок, но Генрих незримо ощущал его, хотя и начал немного успокаиваться: в конечном итоге, Анжи не убьет его, а постарается использовать в своих интересах. Может быть все обойдется, если, конечно не злить Фроста...

Генрих включил дальний свет. Они оба помнили ту пору, когда здесь под порывами ветра волновалось янтарно-желтое море аллорских Лактиний – ядовитых для человека рас-

тений, образующих густые, непроходимые заросли. Теперь по обе стороны от дороги простирались возделанные поля, принадлежащие какой-то частной агротехнической фирме.

На приборной панели Гесселя моргнул и погас красный индикационный сигнал.

Ага... Вот ты и попался Анжи... – Подумал Доргаев, заметив, как автоматически включилась система спутникового контроля. Он покинул пределы города, и бортовой компьютер послал соответствующий сигнал на пульт централизованной охраны. *Сейчас меня начнут вызывать на радиочастоте.* – Генрих незаметно коснулся сенсора, отключив связь.

Лишь бы они правильно истолковали мое молчание. – В эти минуты он готов был молиться, чтобы на его поиски послали людей из специального отдела, а не обыкновенных блюстителей порядка. Если они налетят с воем сирен, светом прожекторов и проблесковыми вспышками своих мигалок, Анжи точно застрелит его. Риск был огромен, но Генрих уже потерял ощущение реальности. Все стер затопивший сознание страх. Не разум управлял событиями, – наоборот, обстоятельства влекли рассудок в пучину, в точности, как это зачастую бывало два десятилетия назад. Да, именно так... время будто бы вернулось назад, вновь окатывая его волнами бесконтрольной дрожи. Вцепившись в манипуляторы ручного управления «Гесселя», Генрих в эти секунды вспомнил все: ночные поездки, осунувшееся лицо, изма-

тывающую бессонницу, трупы конкурентов...

...Высоко в небе, на миг затмив звезды, промелькнула беззвучная тень флайбота², двигавшегося в режиме антигравитационной тяги.

Генрих уловил этот спасительный знак, и чувство внезапного облегчения смешанное с ужасом, который не отпускал ни на секунду, воздействовало на него как оглушительный удар, – руки стали ватными, а мочевого пузыря едва не расстался со своим содержимым.

Анжи запретил ему включать автопилот, и резкая смена состояния водителя сразу же сказалась на поведении «Гесселя» – машина вдруг вильнула, потеряв управление и начала съезжать в обочину.

Благо скорость была небольшой и бампер мощного внедорожника мягко ткнулся в расположенные вдоль насыпи отбойники, снабженные подушками из пенорезины. «Гессель» вздрогнул, вбирая удар, покачнулся, опасно кренясь, но не перевернулся, остановив свое скольжение у третьей по счету секции.

Все произошло в считанные мгновения, – Доргаев потерял контроль над машиной в тот миг, когда командир группы быстрого реагирования, просмотрев данные со сканеров, пришел к выводу, что высокопоставленный чиновник колониальной администрации взят в заложники. На заднем си-

² Флайбот – машина использующая антиграв для полета. Способна передвигаться на колесах.

дении «Гесселя» четко просматривался тепловой контур вооруженного человека.

– Огонь на поражение. – Приказал он стрелку.

Короткая очередь, хлестнувшая по машине, не достигла своей цели. В состав группы немедленного реагирования входили только профессиональные бойцы, но даже самый опытный снайпер не способен учесть внезапного изменения обстановки в момент, когда палец уже коснулся сенсорной гашетки огня... и бронебойные пули, предназначавшиеся сидящему сзади террористу, прошли лобовое стекло вильнувшего к обочине внедорожника...

– Дьяволы Элио!... – Выругался командир. – Снижаемся. Быстро!... – Приказал он пилоту.

Когда тень полицейского флайбота беззвучно пронеслась над расстрелянным «Гесселем», Анжи уже не было в салоне. Низко пригибаясь, он напрямик бежал через поле, к приземистым постройкам расположенной неподалеку фермы.

Две пули пробили тело его бывшего компаньона, застряв в спинке сидения, снабженного встроенной бронепластиной. Прежде чем выскочить из машины он успел просунуть руку и достать из внутреннего кармана Генриха толстый бумажник. На Окраине, в отличие от центральных миров Конфедерации, все еще оставались в ходу наличные деньги, в чем он смог наглядно убедиться, добежав до первой постройки фермы.

Кроме удостоверения личности и кредитных карточек, в

заляпанном кровью бумажнике обнаружилась изрядная сумма наличности в крупных, мерцающих купюрах банка Галактика-Центр.

Хватит на первое время.

Теперь после внезапной смерти Генриха у него оставался один путь – как можно быстрее покинуть Аллор, и попытаться достичь системы Ганио, – «Колыбели Раздоров», как в просторечье называли третий спутник звезды Халиф. Только там он сможет чувствовать себя в относительной безопасности.

Путь к космопорту был заказан, – это Анжи понимал, но у него в рукаве оставался последний неиспользованный козырь. Он никогда не доверял своим компаньонам или подельникам, – можно называть как угодно, и двадцать лет назад, Генрих даже не подозревал, что у Анжи есть свое движимое имущество, разделенное на два компонента.

Одна часть в виде небольшого отделяемого модуля была скрыта в глубинах аллорской сельвы, вторая – транспортный корабль класса «Элизабет-Сигма» – замаскирован среди останков разрушенного рудоперерабатывающего комплекса в двух световых секундах от планетных орбит.

В то время как полиция будет искать его в городе, Анжи собирался направиться в прямо противоположном направлении. Нужно только раздобыть защитный костюм, и выждать пару дней, чтобы улеглись страсти по Генриху.

В конце концов, жизнь загоняла его и в более сложные

ситуации, так что Анжи особо не нервничал, пересчитывая обнаруженные в бумажнике банкноты.

Импульсный пистолет, деньги и твердая воля в достижении целей, что еще нужно человеку, чтобы выжить в условиях дикой Окраины, на которую за минувшие двадцать лет лег лишь тонкий налет цивилизации?...

* * *

Проблесковые маячки полицейских флайботов разгоняли тьму, бросая вокруг прихотливые пятна голубого и красного, играли удлиняющимися тенями, то скрадывая, то резко выделяя силуэты людей суетившихся подле застывшего у придорожного отбойника «Гесселя».

– Паршиво сработали... – командир группы немедленно реагирования поискал глазами, куда бы выкинуть окурки, а потом просто отправил его щелчком пальцев за линию лазерного ограждения, обозначающую периметр места происшествия.

– Кто знал, что он потеряет управление. – В тон ему ответил стрелок. – Теперь всех собак на нас повесят.

– Ты вот, что, Володя... – командир оглянулся по сторонам, отыскал взглядом только что прибывшего старшего офицера полиции и добавил: – Давай, поднимай машину, попробуй отыскать этого придурка, который заставил Долгаева выехать за городскую черту. Он убегал по зеленке, в сторо-

ну агротехнической фермы. Стреножишь его – может еще и отбремся. А я пока поговорю с офицерами, чтобы не дергались до времени с докладами и выводами.

– Добро, командир. – Лицо снайпера просветлело. – Пешком ему не уйти далеко. И от сканеров он не спрячется.

– Давай, действуй.

* * *

Вопреки мысленным оценкам покойного Генриха, Анжи являлся не худшим и не лучшим представителем того поколения, что родилось и выросло в колониях Окраины, в период полного безвластия, когда первая Конфедерация тихо скончалась, а новый союз обитаемых миров еще не был образован.

Три десятилетия назад, когда Анжи впервые встретился с Доргаевым, оба были молоды, бедны, и озлоблены на жизнь. Что предлагала им реальность едва освоенных планет? Тяжкий рабский труд от зари до зари? Пропахшую потом и машинным маслом кабину старого почвоукладчика? Благо если б они принадлежали к поколению колонистов, добровольно эмигрировавших на дикие планеты, – тогда у них была бы цель, смысл, ради которого стоило терпеть все лишения и неудобства первых этапов освоения чуждой биосферы.

Дети и внуки колонистов не понимали своей вины: почему им уготована недолгая, отвратительная жизнь? Зачем они

должны загубить свою молодость в борьбе с агрессивными проявлениями чуждой жизни? Кто заранее распорядился их судьбой, не оставив места в перенаселенных городах, прилепившихся к космопорту планеты?

Два века назад колониальная политика Центральных Миров инициировала третью волну Экспансии. Развитые планеты вкладывали немалые средства в молодые колонии, но довести дело преобразования планет до логического завершения помешал развал Конфедерации. На Окраине вовсю расцвел дикий, не регламентированный какими-либо законами бизнес, где для достижения конечной цели казались приемлемыми любые средства. Колониальная Администрация сектора в ту пору являлась чисто номинальным учреждением, не имеющим реальной власти и рычагов воздействия на появляющиеся, словно грибы после дождя, коммерческие фирмы.

Выжить в таких условиях могли многие, а вот *жить* удавалось лишь единицам. Так что перспектив у Анжи с Генрихом было мало: либо рабский труд на одну из стремительно растущих корпораций, либо вербовка в небольшие частные армии, – основной аргумент в постоянно возникающих конфликтах интересов между отдельными промышленными группировками, делавшими огромные деньги на эксплуатации естественных ресурсов едва освоенных миров, либо нищенское существование на улицах перенаселенных, прилепившихся к бетонному ограждению космопорта барачных

кварталов, возведенных первыми поселенцами.

Такой была Окраина, в ту пору, когда два молодых человека, воспитанные по ее суровым законам, решили, что место под солнцем можно только отвоевать.

Они не желали умирать за других, их не устраивало прозябание в бараках, а школа выживания, пройденная на улицах нищих поселков, подсказывала единственный путь наверх: насилие. Если не ты, то тебя...

Нет смысла описывать их совместную деятельность, которая началась с мелкого рэкета и разбоев, постепенно приобретая криминальный размах. Такими примерами изобилует не только история, но и наша жизнь. Важно понять, что раскусок Анжи два десятилетия проведенный в плену низкотемпературного сна, неадекватно воспринимал реальность, он жил в прошлом, отторгая те перемены, что произошли на планетах Окраины за время его заключения.

Все изменилось, причем радикально. Из множества конкурирующих в прошлом фирм, большинство кануло в лету: теперь лишь пять корпораций твердо контролировали сектор. Строго разделенные сферы интересов напоминали государственные границы, нарушение которых немедленно влекло за собой вооруженный конфликт между частными армиями.

Немалую роль в стабилизации положения дел на Окраине сыграло возрождение Конфедерации Солнц, а главное: ее военно-космического флота, — это вдохнуло практический

смысл в функции Колониальной Администрации, — сюда на смену наемным убийцам пришли политики, качественно повысился глобальный уровень межпланетных взаимоотношений, исчезли мелкие группировки, и вооруженные банды уличной шпаны уже не решали злободневные вопросы по праву звериной силы.

На окраинных мирах был наведен относительный порядок. По крайней мере теперь сохранялась видимость соблюдения юридических и моральных норм, — об этом позаботились вооруженные силы промышленных гигантов, чье руководство было прямо заинтересовано в том, чтобы флот Конфедерации держался на разумном удалении от находящегося под их контролем сектора. Жизнь постепенно выравнивалась, появились рабочие места, стала развиваться инфраструктура городов, и новое поколение уже иначе смотрело на жизнь.

Всего этого не видел и не воспринимал Фрост.

Он при всем желании не смог бы принять тех перемен, о которых пытался намекнуть ему Генрих. Для этого нужно, как минимум, родиться заново, он же ощущал себя прежним — тридцатилетним, полным сил, энергии и холодной безжалостной ненависти ко всем и вся.

...Добравшись до первых построек аграрного комплекса, он без затруднений взломал ближайшую дверь, и проскользнул внутрь приземисто одноэтажного здания, которое оказалось автоматической фермой, предназначенной для выра-

щивания натурального мяса. Клонированные животные с измененной генной структурой были похожи на безобразные, бесформенные горы плоти. Они не стояли, а лежали в отдельных зарешеченных камерах, постоянно поглощая пищу, которая подавалась автоматическими устройствами.

Анжи оглядел ярко освещенное помещение и нашел его вполне удовлетворительным для реализации ближайших замыслов. Он не строил иллюзий, понимая, что его будут искать, и обязательно найдут, – пешком далеко не уйдешь, да и скрыться от сканеров среди сельхозугодий задача практически невыполнимая. Иное дело тут, в животноводческом комплексе, где тепло мясных туш надежно гарантировало его от обнаружения термальной оптикой, да и датчики сердцебиения были бесполезны в этом наполненном гипертрофированной жизнью помещении. Идеальное место чтобы обмануть погоню, ну а если они уже взяли его след, то... – Анжи усмехнулся, без брезгливости перелезая через решетчатый барьер – если его отследили до этого здания, то он готов, пусть заходят, а там посмотрим, кто окажется проигравшим.

Жесткие, мысли не несли возбуждения, они были холодны, словно двадцать лет заключения окончательно заморозили его душу, оставив циничный разум без контроля эмоций.

Либо ты либо тебя... Иного правила выживания Анжи не знал, да и не желал знать.

Владимир Успенский отчетливо видел след преступника, который вел через поля к агротехнической ферме.

Следы отпечатались на земле, они виднелись среди молодых посевов, сканеры флайбота ясно отслеживали каждый шаг неизвестного злоумышленника, который действовал с бесхитростной прямолинейностью: пробежав через поля, он укрылся в ближайшем здании.

Наверное, сильно напуган. – Решил Владимир, постепенно снижаясь, с таким расчетом, чтобы системы слежения указали ему находиться преступник в здании или уже покинул его.

К его разочарованию результат сканирования не смог дать однозначного ответа на поставленный вопрос. В здании как нарочно, располагалась животноводческая ферма, и фоновое излучение сотен выращиваемых на мясо животных действовало на термальную оптику как сильная засветка, датчики движения и сердцебиения зашкаливало, однако характерный след взлома на дверях комплекса явно говорил в пользу того, что преступник затаился внутри.

Успенский не торопился. Действуя основательно, чтобы избежать повторной оплошности, он по очереди исследовал все выходы из здания. Убедившись, что они надежно заперты, а в окрестностях фермы нет свежих следов, он запустил

в огромное помещение два автономных разведывательных зонда, снабженных, помимо иных средств обнаружения, миниатюрными видеокамерами.

Пять минут спустя, когда зонды дважды облетели помещение, он понял, что придется заходить туда самому, – тупые автоматы терялись в хаосе исходящих отовсюду сигналов, а их видеокамеры не смогли обнаружить затаившегося человека среди бесформенных, постоянно жующих туш.

Посадив флайбот подле взломанных дверей, Владимир вошел в ярко освещенный цех.

Он присел, осматриваясь по сторонам. Успенский не волновался, – его тело надежно защищала пластичная броня, сплетенная из прочных металлокевларовых нитей, на миниатюрном дисплее проекционного забрала, соединенного с боевым процессором импульсной винтовки, застыла зеленоватая паутина координатно-прицельной сетки, дыхательные фильтры боевого шлема гарантировали легкие от попадания химикатов, зачастую применяющихся в производстве мясной продукции.

Неужели он не сможет отыскать испуганного беглеца, забившегося в какой-то из темных углов этого помещения? Главное – взять его живым, чтобы он смог дать нужные показания, иначе... – Владимир не хотел даже думать о последствиях, которые повлечет за собой обвинение в непредумышленном убийстве чиновника Колониальной Администрации.

Ну, где же ты?

...

Анжи находился рядом с Успенским. Он лежал, плотно прижавшись к изгаженному полу, под смердящей тушей растущего мяса, и сбоку смотрел на бойца группы быстрого реагирования.

Он даже мог различить выражение его лица сквозь полупрозрачное забрало компьютеризированного шлема.

Спокойное, уверенное выражение.

Анжи часто видел его на лицах иных, более крутых парней, уповающих на разные, но всегда ошибочные, завышенные оценки собственной неуязвимости.

Этот, похоже, свято верил в непробиваемость плотно облегающей тело брони и совершенство кибернетических систем своей экипировки.

Опасное заблуждение.

Анжи медленно, сантиметр за сантиметром, выпростал руку с импульсным пистолетом, изготовленным четверть века назад по его личному заказу. Имея в основе систему знаменитой «Гюрзы», оружие было усилено дополнительными электромагнитными катушками ускорителя, имело более длинный ствол, и снаряжалось tandemными кумулятивно-разрывными зарядами, исключаящими ранения.

Только летальный исход. Анжи ненавидел, когда после его работы оставались свидетели.

...

Спустя пять минут из цеха агротехнической фирмы вышел человек в боевой броне.

Только это уже был не Успенский.

Теперь в распоряжении Анжи оказалась отличная защита от смертоносного воздействия сельвы и флайбот, который быстро доставит его в нужную точку неосвоенных людьми территорий.

Он всегда старался опережать своих противников, как минимум на один шаг. Пока полиция разберется, что к чему, он успеет отыскать спрятанный в глубинах сельвы посадочный модуль и совершить все необходимые предстартовые процедуры. С каждой минутой ему все меньше и меньше хотелось застрять тут, на Аллоре, где действительно произошли не очень-то приятные для него перемены.

* * *

Мир тесен.

Особенно на Ганио – подумал Анджей, входя ресторан, расположенный рядом с единственным космопортом «Колыбели раздоров».

Человек, на которого он обратил внимание, обегая цепким, изучающим взглядом полупустой зал, сидел лицом к двери, занимая самый дальний, неприметный столик, спрятанный за пыльной зеленью нескольких искусственных растений.

Фрост всегда обладал фотографической памятью на лица.

Пусть прошло два десятилетия, но его разум словно опытный дизайнер тут же отбросил лишнее, убрал обозначившуюся залысину, мысленно разгладил глубокие складки морщин на лбу и... увидел молодого парня, с которым когда-то сталкивался на Аллоре.

Кибрайкер³. Властелин компьютерный сетей.

Дрейк Дикс по прозвищу «Драйв», которого иногда называли просто – три "Д".

Вне сомнения это был он.

Что ж мир действительно тесен, и этому феномену всегда можно найти разумное объяснение. После тотальной зачистки Зороастры в обитаемом космосе осталась только одна система, способная приютить всех, кто когда-либо нарушал законы Конфедеративного Содружества. Звезда Халиф равнодушно согревала всех, начиная от местных уроженцев, до пестрого сонмища авантюристов и преступников всех мастей. Ничего удивительного – многие жизненные пути определенной категории людей пересекались именно тут на Ганию.

– Привет Драйв... – Анжи бесцеремонно сел, весело посмотрев на Дикса, который хоть и пытался сохранить самообладание, но все-таки чуточку побледнел.

Да, уже не пугливый пацан, заматерел... Не чета Генриху,

³ Кибрайкеры – (сленг) – образовано от слова кибернетика и английского взламывать (break open)

который совсем разучился держать удары.

Впрочем, чего пугаться Диксу? Призраков он явно не боялся, долгов за ним не значилось, тогда с какой стати побледнел?

– Я тебя не знаю. Убирайся. – Дикс окинул Анджея твердым взглядом серо-стальных глаз, от которых лучиками разбегались мелкие морщинки, и добавил:

– Ты обознался.

– Вот как? – Бровь Анжи угрожающе поползла вверх. Он не терпел, когда ему грубили.

Некоторые реакции уже невозможно искоренить. Они машинальны, как дыхание.

Рука с импульсной «Гюрзой» резко взметнулась вверх, поднимая ствол, покрытый вздутиями электромагнитных катушек, на уровень переносицы Дикса.

– Освежим память? А заодно поучимся вежливости? – Зловеще предложил Анджей.

Взгляд Драйва стал не серым – свинцовым.

– Попробуй. – Коротко обронил он в ответ.

Ну, ты сам напросился.

Фрост не терпел открытого противостояния. Рефлексы всегда оказывались выше рассудка: вот и сейчас палец самовольно сдвинул бугорок сенсорной гашетки.

Ничего не произошло.

Электромагнитный затвор даже не дернулся, словно в руках оказался муляж импульсного пистолета.

– Ты отморозок Анжи. Кто-нибудь говорил тебе об этом? – Тихо, без угрозы произнес Дрейк, всего лишь констатируя факт. – Убери пистолет, пока я окончательно не сжег его электронику.

Анджей колебался ровно секунду. С одной стороны он понял свою ошибку, – нельзя было забывать, что тот пацан, которого он помнил, еще тогда, в свои двадцать пять, являлся незаурядным, талантливым кибрайкером, который умудрился сделать себе несколько незаконных имплантаций, и частенько выкидывал фокусы с подключаемыми к собственному рассудку кибермодулями, вытворяя с их помощью невероятные вещи...

С другой стороны он мог отложить пистолет и задушить наглеца голыми руками.

Тут, наконец, в мысленный спор вмешался здравый смысл.

Он, несомненно, узнал его.

Не мог не узнать.

Анжи опустил «Гюрзу» хмуро осведомившись:

– Оружие будет работать?

– Я его не ломал, – пожал плечами Драйв.

– Хорошо. – Анжи сел. – Я погорячился.

Обстановку разрядил официант. Смуглый уроженец Ганию подошел к их столику в сопровождении старого дребезжащего бытового механизма и спросил на скверном интеранглийском:

– Господа будут заказывать?

Анжи вопросительно посмотрел на Дикса.

– Ты ждешь кого-нибудь?

Нет, – отрицательно покачал головой Драйв

Анжи пробежал взглядом по строкам меню, которое высвечивало информационное табло кибермеханизма, коснулся сенсоров напротив названия выбранных блюд и сунул в руку ганианцу мятую купюру достоинством в десять кредитов.

– Последи, чтобы нас никто не беспокоил.

Такой язык был понятен на Ганио. Господа хотят спокойно поговорить. Что ж, за десять галактических кредитов он лично встанет на страже, временно отложив обязанности официанта.

– Ну, наконец-то я вижу людей, уважающих деньги. – Проворчал Анжи, глядя вслед ганианцу, который уже подсуетился: к их столику через весь зал несли еще несколько разлапистых и пыльных пластиковых растений, чтобы соорудить из них нечто напоминающее отдельную кабинку.

– Мог бы не беспокоиться по мелочам. – Усмехнулся Драйв. – Нас и так никто не услышит. – Он поднял взгляд и добавил: – Я вижу, ты не изменился, ни внешне, ни внутренне. Криогенная камера? – Проницательно осведомился он. – Помниться на Аллоре ходил упорный слух, что Генрих тебя подставил.

– Он уже ответил за все. – Мрачно осведомил его Анжи. –

Сполна.

Дикс кивнул, вполне понимая, что такое утверждение невозможно истолковать двояко.

– Ты прав, я действительно провалялся двадцать лет в ледяной могиле. – Анжи вытащил пробку из изящного ганианского сосуда, наливая себе и Диксу. – Ты слышал что-нибудь о криогенной тюрьме, где военные занимаются промыванием мозгов таким как я?

– Нет.

– Она расположена где-то в глубоком космосе. Оттуда выходят паиньками, можешь мне поверить. Видел бы ты «исправившихся» – они с дебильной радостью копаются в земле, на агрофермах реабилитационного центра Кьюига. Для наглядности можешь вообразить меня, подстригающим живые изгороди. – Он залпом выпил и налил себе еще. – Как воображение? Работает?

Дикс кивнул. Воображение кибрайкера было отменным. Он хорошо понимал, что подразумевает Анджей под «промыванием мозгов». Ему подобная процедура светила давно, дело у вставало лишь за малым, – поймать Дрейка.

– Объясни Анжи, – задал он встречный вопрос, решив, что раз эта неожиданная встреча состоялась, то нужно хотя бы выжать из нее максимум полезной информации. – Почему ты не подстригаешь живые изгороди?

Фрост пожал плечами.

– Не знаю. Что-то не сработало в их системе. Когда я оч-

нулся на Кьюиге, то первые несколько дней действительно вел себя как придурок. И, клянусь змедами Прокуса, это меня спасло от повторной процедуры. – Хохотнул он, и тут же добавил:

– Это сейчас смешно, а когда я очнулся с лазерным секатором в руках, и понял, что подстригаю зелень подле нарядного домика, как заправский садовник – мне стало страшно. Первый раз в жизни я по-настоящему испугался, а потом... Что-то словно взорвалось в голове, возвращая память.

– Можешь на минуту расслабиться? – Неожиданно попросил Дикс.

– Расслабится? В каком смысле?

– Позволь соединиться с твоим имплантом? Может я пойму причину произошедшего?

– А ты можешь? – Губы Анджея исказила саркастическая, недоверчивая усмешка.

– Могу. – Спокойно отреагировал Дикс.

Фрост на миг задумался, а потом кивнул.

– Валяй. Мне самому интересно.

На некоторое время за столиком, отгороженным от остального пространства ширмой из искусственной зелени, воцарилась тишина. Дрейк закрыл глаза и сидел неподвижно, словно манекен. Анжи, с недоверием смотрел на него, не ощущая никакого постороннего влияния на свой разум. Он никогда не понимал кибрайкеров. Люди, подобные Драйву, рассматривались им как инструменты для достижения опре-

деленных целей, – а как еще можно относиться к человеку, который добровольно пихает себе в башку с десятков кибернетических модулей, а потом грезит наяву, пребывая одновременно в двух пространствах, – реальном и кибернетическом.

Здесь Фрост ошибался. Его оценка пришла из прошлого, где он сталкивался с молодыми, только начинающими кибрайкерами, тем же Драйвом, например. Раздвоение личности после имплантаций действительно имело место, но оно проходило со временем... если кибернетические расширения не сводили своего хозяина с ума. Здесь шансы делились приблизительно пополам, – либо модули приживались в рассудке, либо происходило их отторжение, но не на физическом уровне, естественно.

Драйв неожиданно открыл глаза.

Его взгляд был ясным, совершенно не затуманенным, зрачки сужены, словно фокусирующее устройство в старых образцах ручных лазеров.

– Ты когда-нибудь слышал о мнемониках, Анжи?

– Нет – покачал головой Фрост.

– У тебя стоит стандартный имплант, – он вживлен при рождении?

– Смеешься? – Выглянул на него Фрост. – Я родился в бараках Аллора. Моя мать была проституткой. Отца я, к сожалению, не знаю.

– Значит, имплант ты получил позже. Где, когда и при ка-

ких обстоятельствах?

– Это допрос? – Насупился Анджей.

– Нет.

– Ладно. Поверю. – Фрост не любил когда ему что-то не договаривали, и потому предупредил: – Я отвечу тебе при одном условии – ты выкладываешь все, что узнал, как на духу. Иначе...

– Иначе не будет. – Успокоил его Драйв.

Фрост пожал плечами, немного расслабившись. В конце концов, чем он рисковал? Информация устарела как минимум лет на двадцать, а знать, что хрень творится с его рас-судком очень хотелось. Казалось, сама судьба организовала ему встречу с Драйвом, – Анджей так или иначе собирался искать специалиста, который объяснил бы ему некоторые аспекты неудавшегося насилия над его мозгом.

– Имплант мне вживляли в подпольной клинике Аллора. Там работал спец, сумевший улизнуть с Зороастры, перед зачисткой планеты. Он вообще-то был генным инженером, а кибернетикой и нейрохирургией занялся поневоле, ради денег.

– И сколько ты заплатил ему? – Ухмыльнулся Драйв.

– Штуку кредитов. Стандартная цена импланта и операции. Он схалтурил, да?

– В том и дело, что нет. Видно твоего «дока» заела тос-ка по творческому прошлому. То-то мне и непонятно, вроде заурядный имплант, а кора головного мозга в сопрягаемом

участке изменена.

– Что это значит? Моментально напрягся Фрост. Он всегда начинал нервничать, когда вопрос выходил за рамки его поверхностной эрудиции.

– Он не просто вживил тебе гнездо для нейросенсорного контакта с машинами. Ты же знаешь, гениальные инженеры Зо-роастры много веков отшлифовывали свои уникальные технологии. Тебе, одновременно с вживлением импланта, модифицировали участок церебральной коры, обособив его в отдельную нейросеть. Раньше я только слышал об этом, не более.

– Мне мало понятны твои рассуждения. Высказывайся проще.

– Он защитил твой рассудок от атак. Любая информация, получаемая через имплант, попадает в локальную нейросеть. Если твой разум осознанно не востребует ее оттуда, данные так и останутся локализованы. Идеальная защита от мнемонических ударов, особенно для тех, кто осведомлен о ее наличии. Ты должен был желать собственного перевоспитания, только тогда обособленный участок мозга передал бы зачисляемую через имплант информацию дальше.

Фрост нахмурился, размышляя над услышанным. Постепенно черты его лица начали разглаживаться.

– Дошло?

Анжи кивнул.

– Что я мог желать, засыпая в криогенном гробу? Разве

что задушить тех ублюдков, которые сдали меня полиции.

– Вот-вот. Это и блокировало любую, навязанную извне информацию.

– Выходит, они проглядели измененный участок коры?

– А его никто и не искал. Думаю, эксперимент в этой тюрьме поставлен на поток, значит, им управляют машины, и начат он достаточно давно. Задолго до твоего ареста. Там уже не работают исследователи, все поставлено на накатанные рельсы, программы воздействия апробированы и считаются безотказными. Идет наработка статистического материала. Твой побег с Кьюига заставит их задуматься. Естественно, поднимут твою психосоматическую карту, найдут ошибку и...

– Что? Договаривай?

– Подумай сам. Тебя либо устранят, как нежелательно свидетеля экспериментов, либо постараются вернуть в лаборатории в качестве подопытного, что намного вероятнее грубого физического устранения. В твоей голове скрыта одна из утраченных технологий, достаточно серьезная, чтобы ради нее пойти на широкомасштабную акцию. Думаю, ты подвергаешь опасности суверенитет Ганио, находясь на планете. Если об этом узнают кланы, тебя сдадут Конфедерации. За вознаграждение разумеется. Или сюда забросят отряд спецназа, который аккуратно, без лишнего шума доставит беглеца обратно, в лаборатории.

– И что мне делать? – Хорошее настроение Фроста мгно-

венно улетучилось. – Залечь на дно? Сменить внешность?

– Не поможет. – Покачал головой Драйв. Если бы мы встретились пораньше, ну хотя бы спустя день-два после твоего побега из реабилитационного центра, я бы еще мог рискнуть покопаться в сети, чтобы вычислить эту станцию и подчистить информацию. Но, боюсь, они уже спохватились. Что ты сделал, когда окончательно пришел в себя?

– Использовал лазерный секатор по назначению. Подстриг пару охранников, потом рванул на Аллор к нашему общему знакомому, Генриху.

– И что стало с господином Долгаевым? – Заинтересованно осведомился Дикс.

– Умер. – Лаконично ответил Анжи. – Но я тут не при чем. Их снайпера из сил немедленного реагирования скверно стреляют. – Пояснил он.

– Короче – кровавый след. – Сделал очевидный вывод Дрейк. – И как далеко он тянется?

– Я не сильно наследил на Аллоре. Уложил одного крутого спеца, воспользовался его флайботом, и благополучно отбыл из системы, расконсервировав спрятанный еще двадцать лет назад транспортный корабль, который приобрел по случаю, незадолго до ареста.

– Класс корабля? – Дрейк неосознанно подался вперед.

– Обыкновенный грузовик «Элизабет-Сигма» со стертыми опознавательными маркерами.

– Это уже теплее... – Дикс впервые за все время разговора

проявил настоящую заинтересованность. – Надеюсь, ты не пользовался услугами диспетчерской службы Аллора?

Фрост только фыркнул в ответ.

– Очень хорошо. Значит, у тебя есть фора дня в два, не больше. Если промедлишь, останется одно – застрелиться, по принципу: «не доставайся же ты никому».

– Рехнулся? Не буду я стреляться. – Насупился Фрост. – Я им головы поотрываю, этим долбаным конфедератам.

– Это вряд ли... – Драйв машинально поддерживал разговор, напряженно размышляя о чем-то своем.

– У меня есть встречное предложение. – Внезапно произнес он.

– Ну?

– Я искал корабль для завершения одного очень интересного поиска. Там, куда я хочу попасть, тебя не сыщет ни один аналитик из отдела внешней разведки.

– Почему? – Усомнился Фрост.

– Потому что о нем попросту не знают. – Ответил ему Драйв. – С таким же успехом можно искать корабль, совершивший слепой рывок через аномалию.

Анжи задумался.

– Ты доверяешь мне?

– Хочешь полный расклад? – Усмехнулся Дрейк. – Откровенность за откровенность?

– Так будет справедливо.

– Ладно. Я не умею читать мысли, но могу попробовать

их угадать, например, по выражению твоего лица. Ты сейчас думаешь о том, что будь у тебя хотя бы два десятка преданных парней и достаточно оружия, то стреляться пришлось бы кому-нибудь другому, верно?

Фрост кивнул, пораженный тем, насколько точно Драйв озвучил его обрывочные, порывистые мысли.

– Хочешь добраться до станции и разнести ее? – Продолжил развивать свои умозаключения Дрейк. – Тебе бы только узнать ее координаты.

– Да, Фрайг их всех раздери!...

– Твои стремления понятны. Теперь послушай что нужно мне. – Дикс внимательно осмотрелся, с таким видом, будто декоративная зелень не являлась серьезной помехой для его взгляда.

– Я несколько лет посвятил поискам одного забытого людьми места. Теперь, когда я отыскал его, мне срочно потребовался корабль, но средств на покупку в данный момент нет. Доверять ганианцам – это своими руками поставить жирный крест на деле, которое отняло у меня несколько лет жизни. Кланов слишком жадные и агрессивные. Когда они узнают что скрыто на планете, меня убьют.

– Потому и сидишь в припортовом кабаке? Ловишь фортуны за хвост?

– Приблизительно. – Кивнул Дрейк. – Наши цели в некотором смысле совпадают. Огромный плюс: тебя ищут, значит, огласки не будет.

– Можно вопрос? – Перебил его Анжи. – Что там такого ценного на твоей планете? И где зарыт мой интерес?

– Это уже два вопроса, – усмехнулся Драйв. – Я отвечу на оба. Ты доставляешь меня по указанным координатам. Мы используем твой корабль для предварительной разведки и посадки на планету. Мои цели тебя не касаются, что до твоих стремлений, могу предложить в качестве оплаты столь необходимое тебе оружие, и надежных парней, способных грамотно его применить.

– Насколько надежных?

– На все сто процентов, Фрост. Я дам тебе киборгов, причем нестандартной боевой модификации, какую сейчас уже не сыщешь даже на черном рынке вооружений.

– Интересное предложение. Я бы сказал – заманчивое.

– И опасное. Прежде чем ты получишь обещанное вознаграждение, нам придется овладеть им. Я смогу это сделать – Дрейк выразительно провел ладонью по своей короткой стрижке. – Ты знаешь, чем я зарабатываю на жизнь. Пока тебя перевоспитывали, мир кибернетических технологий сделал качественный шаг вперед. Теперь уже мало кто пользуется устаревшими шунтами, – мои импланты оснащены несколькими устройствами дистанционной передачи данных, и при подключении соответствующих кибермодулей я могу перехватить управление машинами в радиусе от тридцати до пятидесяти километров, в зависимости от рельефа и прочих нюансов окружающей среды. Это без входа в сеть,

напрямую, если говорить проще.

– То есть, ты предлагаешь мне рискнуть, довериться тебе, слетать неизвестно куда, и если все получится, – а это не гарантировано, – то я, *возможно*, получу оружие и киборгов?

– Да. Они будут не очень приглядны, – за внешний вид не ручаюсь, но работоспособны. Важная деталь – эти машины никогда не предадут своих хозяев. У них нет функций саморазвития и этических ограничителей.

– Дрейк, все это заманчиво, но я не работаю бесплатно. Вероятности оставим. Допустим, я готов рискнуть, но у меня есть встречное условие.

– Какое?

– Ты кибрайкер. Чутье подсказывает мне, что за твоей головой конфедераты охотятся с не меньшим рвением, чем за моей? Или я ошибаюсь?

– Нет. Не ошибаешься.

– Приятно узнать, что не одинок в своих проблемах. – Усмехнулся Фрост.

– Ты не озвучил условия. – Напомнил ему Драйв.

– Условия просты. Ты ломаешь сеть реабилитационного центра на Кьюиге и достаешь мне координаты тюрьмы. Будем считать эту услугу предоплатой за рейс. Если на планете присутствует серьезная угроза, то не помешает нанять здесь с десяток слоняющихся без дела головорезов. Таких, кого никто не хватится, если они не вернуться. Их найм и экипировку я возьму на себя. Идет?

– С чего ты взял, что в банках данных реабилитационного центра есть координаты секретной военной базы, ведь это именно база, а расположенная там тюрьма и лаборатории лишь временное явление. – Поправил его Дрейк.

– Ну, не знаю. – Пожал плечами Фрост. – Тебе виднее, где и что искать. Я согласен доставить тебя в любую указанную систему, и рисковать своей головой, ради оружия и киборгов. Рискни и ты. Мне нужно знать, координаты.

Драйв задумался, теперь уже надолго.

– Ладно... – наконец произнес он. – Я не люблю дразнить конфедератов, но ради нашей сделки пойду против правил. У тебя есть сутки, чтобы нанять команду и закупить снаряжение. – Драйв внимательно посмотрел на Анжи и встал. – Постарайся не засветиться. Встречаемся здесь через двадцать четыре часа.

– Вот это уже деловой разговор. – Одобрительно пробурчал Фрост. – Жду тебя через сутки. С информацией.

Драйв кивнул.

– Я достану ее.

Глава 2.

8 апреля 3827 года по Галактическому календарю.

Пятая планетная система скопления Омикрон. Сектор Окраины.

Офис корпорации «Эхо»...

За панорамным окном косыми струями хлестал проливной дождь.

Дверь кабинета беззвучно открылась, скользнув вбок, и на пороге появился Сергей Раушев, с пластиковой коробкой в руках. Его взгляд цепко обежал небольшое по размерам помещение и остановился.

За пустым столом, откинувшись на мягкую спинку удобного офисного кресла, плотно смежив веки, сидела молодая женщина, чьего имени не знал даже он.

Взгляд Раушева на миг похолодел, став водянисто-мутным, губы при этом чуть дрогнули, опуская уголки, словно он испытывал неприязнь, граничащую с плохо скрытым и трудно объяснимым приступом вожделения.

Он переступил порог, нарочито громко обозначив свои шаги, и самоуверенно сел на край стола, со стуком поставив коробку.

Она открыла глаза.

Взглянув на Раушева, кивнула, но не произнесла ни звука.

Надменная стерва. Знает себе цену... – Не выдержав ее

пристального, пронзительного взгляда, в котором явно читались оттенки презрения, Раушеву ничего не оставалось, как заняться делом, – вскрыть принесенную упаковку, достав из нее тонкий планшет стек-голографа ⁴. Установив его на подставку, Сергей коснулся сенсора активации и спросил:

– Зачем тебе вдруг понадобилось оборудование? Ты же у нас насквозь имплантированная.

– Слезь со стола. – Произнесла она, не ответив на заданный вопрос.

Он неохотно подчинился требованию.

– Я охранник, а не носильщик, ясно?

Она пожала плечами.

– Начальству виднее.

Раушев нервно сглотнул.

– Слушай, что ты такая колючая? Может тебе стоит вспомнить...

– О том, что я женщина? Не с тобой, милый.

Сказала, словно пощечину врезала. Он почувствовал, как по щекам жаром поползли пунцовые пятна.

Раушев, не слова не говоря, вышел.

Она несколько секунд смотрела на автоматически закрывшуюся дверь, словно провожала его взглядом сквозь стену.

Неприятный тип.

Скользкий, нагловатый, самоуверенный.

⁴ Стек-голограф – устройство объемного воспроизведения изображения (виртуальный монитор)

Надо работать.

В корпоративной сети, да и в глобальной тоже, ее знали исключительно по виртуальному имени.

Селена...

Она скользнула взглядом по объемному голографическому пространству, которое проецировал над поверхностью стола тонкий планшет кибернетического устройства.

Насквозь имплантированная. – Слова Раушева неприятным осадком остались в мыслях, словно запутались в них.

Действительно, под аккуратным каре молодой женщины, нарушая основные параграфы закона «О допустимом уровне киборгизации индивидов» скрывалось пять имплантов, каждый из которых в дополнение к собственной специализации имел прикрытые крохотными заглушками разъемы для подключения дополнительных кибермодулей. Внешне это никак не отражалось на облике Селены, импланты не превышали своим размером одного сантиметра, и их полностью скрывала прическа.

Впрочем, тут на Омикроне-5, в самом сердце сектора Окраины, на такие нарушения обращали внимание разве что сканеры систем безопасности. Этим участком освоенного людьми пространства правили отнюдь не законы Конфедерации, – реальную власть тут делили между собой пять могущественных промышленных групп, чьи интересы защищали чиновники Колониальной Администрации Аллора.

...Она расслабилась, вновь закрывая глаза.

Ее работа была сложной и ответственной.

Самое ценное в современном мире – это информация. Селену специально обучали, чтобы она могла контролировать и защищать от несанкционированного вторжения каналы обмена данными разветвленной корпоративной сети. Не всей, конечно, но отданного под ее ответственность участка.

В словах Сергея Раушева прозвучала истина: Селену действительно *имплантировали*, – четыре нейромодуля из пяти были вживлены хирургами корпорации с тем, чтобы сотрудница секретного уровня не нуждалась в сложном, зачастую громоздком стационарном оборудовании, а могла контактировать с сетью на мнемоническом (то есть мысленном) уровне.

Нейросенсорное соединение осуществлялось дистанционно, без применения морально устаревших оптико-волоконных шунтов, – манипулируя передатчиками имплантов, она могла выбрать один из десятка способов контакта с удаленными кибернетическими системами, используя их мощности по своему усмотрению.

Годы изматывающих, опасных для рассудка тренировок потребовались ей, чтобы достичь сегодняшнего уровня совершенства. Дополнительными имплантами владели многие, но добиться психологической устойчивости, гармонии между кибернетической и биологической составляющей синтезированного «эго» удавалось далеко не всем. Корпорации постоянно готовили десятки, если не сотни новых со-

трудников, но статистика упорно умалчивала о проценте отсева: никто не знал, сколько человек в стремлении получить престижную, высокооплачиваемую работу пошли на риск и окончили свои дни в психушке.

Кто-то, возможно, возразит, усомнившись, – ведь миллиарды людей на сотнях планет использовали вживленные еще в роддоме импланты для контакта с домашними или рабочими терминалами компьютерных сетей. Селена часто слышала такие рассуждения, и могла лишь молча усмехнуться в ответ: между человеком, отдающим приказы домашней киберсистеме, и мнемоником пятого уровня лежала неодолимая пропасть. Обыкновенный пользователь всего лишь мысленно формулировал команду, которую стандартный, разрешенный к ношению имплант автоматически преобразовывал в машинный код. При этом разум человека не испытывал обратной связи с машиной, он лишь руководил ей.

Рассудок Селены взаимодействовал с кибернетическими системами совершенно иначе. За пять лет работы на корпорацию она познала все глубины настоящего нейросенсорного контакта, – в минуты наибольшего напряжения ее мозг обрабатывал огромное количество информации, временно принимая на себя функцию центрального процессора для определенных, вверенных ее контролю удаленных устройств, которые могли располагаться как в соседнем помещении, так и за сотни километров от офиса, – часть оборудования, например, базировалась в космосе, непосредствен-

но на станции ГЧ системы пятого Омикрона.

У кого-то возникнет вопрос: зачем в век высочайших технологий для контроля над информационными потоками вдруг потребовался человек, – хрупкое биологическое существо? Не проще ли создать узкоспециализированные кибернетические комплексы, которые справятся с той же работой быстрее и эффективнее?

Селена слабо улыбнулась своим мыслям, которые невольно пробудил в ней Раушев... вернее не сам Сергей, а его нагловатая самоуверенность, призванная скрыть обыкновенное невежество.

Компьютеры уязвимы. И атаки на них, конечной целью которых является получение определенной информации, осуществляют *люди*. Машину можно обмануть, инфицировать программным вирусом, заставить работать на себя, и лишь разум опытного мнемоника лишен перечисленных недостатков. Ни одна нейросеть не способна достичь уровня ассоциативного мышления, присущего человеку. Здесь проявляется неоспоримое преимущество гибкой человеческой психики, отточенной миллионами лет эволюции: опытный мнемоник, чей разум сосуществует в гармонии с имплантированными кибернетическими модулями, расширяющими его потенциальные возможности, способен распознать самую изощренную атаку, мгновенно и адекватно отреагировать на вторжение, блокируя доступ к коммерческим тайнам работодателя.

Селене нравилась виртуальная среда, она погружалась в

информационное поле, чувствуя себя в нем будто рыба в воде, – ее разум не испытывал стрессовых перегрузок, а в самом киберпространстве она ориентировалась даже лучше, чем в реале, – здесь все имело логическое обоснование, отсутствовал хаос, как понятие. Не сравнить с улицей города, где от каждого встречного можно в любую секунду ожидать полной непредсказуемости.

Хотя последнее замечание справедливо лишь для корпоративных сетей, – стоило потянуться дальше, скользнуть за пределы рабочего пространства на необъятный простор Интерстара, и тут же исчезала четкость, – общечеловеческая сеть бурлила страстями, поражала своим разнообразием, пугала даже опытных пользователей своей бесконечностью.

Да, Интерстар непредсказуем, как и мы сами, его создавшие – мимолетом подумала она, настраивая доставленный Раушевым стек-голограф; затем мысленно проверила, заперта ли дверь и откинулась в кресле, контролируя сеть и одновременно вспоминая утренние события...

...День начиналось как обычно: по-деловому, радостно. Ничто не омрачало настроения, не предвещало неприятностей или хуже того – беды. Как правило, Селена вставала за полтора часа до начала работы, не спеша завтракала, приводила себя в порядок, одновременно слушая музыку и размышляя, чем бы сегодня порадовать любимого?

Это утренний ритуал стал для нее настоящим открытием, ранним предвкушением назначенного на вечер свидания, к

которому готовишься как к празднику, заряжая себя на целый день хорошим настроением. Оказывается, делать подарки не менее приятно, чем получать их.

Счастье любить и быть любимой...

Допив кофе, она закрыла глаза.

На розоватом фоне смеженных век промелькнул визуальный фантом: словно радуга рассыпалась на спектральные полосы, – так ее разум реагировал на стремительное, спрессованное в наносекунды движение через каналы гиперсферной частоты... и чудо – перед ней открылась знакомая лесная поляна.

Нежно улыбаясь, она повернула голову, еще не решив, где положить приготовленный подарок.

Мгновение спустя взгляд буквально напоролся на сломанную ветку.

Толстый сосновый сук был переломлен посередине, он бросался в глаза, казался белым, как человеческая кость, и Селена едва сдержала машинальный вскрик.

Рассудок тут же затопило чувство тревоги. Ощущение счастья, грубо оборванное на полуноте, застыло в груди глухим комком какой-то детской, горькой обиды.

Он не мог сделать этого.

Значит, тут был кто-то чужой?

У Селены оставалось очень мало времени, ведь она рассчитывала провести тут всего минуту, не больше. Все что она могла сейчас – это вобрать взглядом нарушенную гармонию

и унести с собой визуальный образ, вместе с саднящим чувством разрастающейся тревоги.

...Половину рабочего дня мысль о сломанной ветке не шла из головы, вконец измучив рассудок. В очередной раз сверившись с внутренним ощущением времени она подумала: *как бесконечно долго тянется сегодня день.*

Бездействие и неизвестность не давали сосредоточиться, мешали работать, но как проверить увиденное? Кибернетические модули, подключаемые к имплантам хранились тут, на работе, и во время утреннего визита она воспринимала киберпространство на уровне обычного пользователя, и могла ошибиться? Человек все же не машина, да и фантомные миры иногда демонстрируют локальную нестабильность, способную принимать самые разнообразные формы.

Может быть тревога беспочвенна?

Нет... Опыт подсказывал – нет. Случилось что-то нехорошее.

Какая мука для мнемоника: ощущать опасность и не иметь возможности немедленно вычислить ее источник, или хотя бы убедиться в справедливости своих подозрений. Если добавить сюда личный мотив, далекий от корпоративного образа мышления, то состояние Селены можно было понять. Для специалиста ее уровня такой, казалось бы незначительный диссонанс в тщательно запрограммированной гармонии фантомного мира, как грубо сломанный сук являлся вопиющим признаком грубого вторжения, и на это *знание* болез-

ненно накладывалась тревога за единственного человека, который был по-настоящему дорог ей.

Если бы утреннее происшествие оказалось напрямую связано с ее работой на корпорацию, вопрос решался бы просто, но кто позволит ей заниматься личными делами, находясь на службе?

Хотя... на несколько секунд покинуть зону виртуальной ответственности она могла, для этого хватит и опыта, и сил... но как задействовать оборудование, информация с которого централизовано поступала к кибернетической системе уровня в режиме он-лайн?

Селена не долго размышляла над данным вопросом.

Выход был.

Человек, остается человеком, и имплантированные нейромодули ни коим образом не подразумевали, а тем более не гарантировали, что мозг мнемоника станет работать адекватно электронной машине. Она могла осуществить проверку, представив реально совершенное действие, как постороннюю мысль, промелькнувшую в сознании. Такая «рассеянность» конечно, не приветствовалась, но прощалась. Оставался лишь один вопрос: где взять локальное, обособленное от сети устройство, для сохранения полученной информации?

Мысль о стек-голографе, которые зафиксировать данные, снятые с ее зрительного нерва, пришла, как озарение. Это был идеальный вариант.

Она взглянула на устройство, доставленное Раушевым, и мысленно сосредоточилась, готовясь осуществить задуманное...

...Проконтролировав информационные потоки, Селена отправила короткий мысленный отчет о состоянии вверенных ее попечению каналов связи, и ее сознание стремительно рванулось по знакомому пути. Связь через станции ГЧ происходила мгновенно, и секунду спустя перед ней распахнулся знакомый пейзаж лесной поляны по которой, образуя маленькую запруду, бежал прозрачный ручей.

Сейчас на нее работал локальный участок корпоративной сети, и Селена одним пристальным взглядом охватила все пространство поляны, одновременно сравнивая ее с заранее записанной матрицей.

Вот она – сломанная ветка.

Явный след чужого присутствия. Кто-то побывал тут, не далее как этой ночью, причем взлом закрытого фантомного мира был осуществлен с грубой, наглой самоуверенностью.

Теперь, обладая всем набором сканирующего оборудования, она ясно различила, что сломанная ветка – это не «баг», а следствие нарушения границ виртуального мира. Программа защиты от несанкционированного доступа оставила этот знак, чтобы обратить внимание хозяина на факт вторжения.

Отключение...

...Она открыла глаза.

В объеме голографической проекции застыло изображе-

ние, снятое с нейронов ее зрительного нерва. Все совпадало, до мелочей...

Селена вновь потянулась в киберпространство, быстро, со знанием дела навела порядок, удалив всю информацию о своем несанкционированном выходе в Интерстар.

Теперь нужно быстро проанализировать изображение и очистить память стек-голографа.

* * *

Интересно, зачем ей понадобился стек? – Подумал Раушев, возвращаясь в комнату охраны.

Ему бы отмахнуться от промелькнувшей мысли, тем более что выполнять требования сотрудников уровня с ограниченным доступом на самом деле являлось его прямой обязанностью.

Проблемы заключалась в том, что, Сергея откровенно задевало такое положение вещей. Видимо при назначении на должность кто-то невнимательно изучил психологическую карту Раушева, иначе его бы определили на менее ответственный пост. На любом другом уровне властные полномочия дежурного охранника были ощутимы: находясь этажом ниже или выше, болезненное самолюбие Раушева находило бы удовлетворение в незначительных преимуществах перед обычными сотрудниками, здесь же ситуация менялась ровно

наоборот, – желая сузить круг лиц, так или иначе связанных с секретной деятельностью, руководители совместили должность охранника с обязанностями посыльного.

Два десятка человек, работающих в кабинетах секретного уровня, не имели права покидать отведенные им помещения, а их график был составлен таким образом, что, приходя на работу и покидая ее, они не сталкивались друг с другом. Единственное, что никак не хотело вписываться в эту простую, но эффективную систему безопасности было болезненное самолюбие Сергея Раушева. Слабо разбираясь в вопросах прогрессивной имплантации, он презрительно считал мнемоников монстрами, которых создавали в нейрохирургических клиниках корпорации. Это ложное впечатление постоянно подпитывалось подчеркнутой холодностью, с которой сотрудники сектора относились к нему, – простому охраннику. Раушеву было невдомек, что их сдержанность, которую он принимал за надменность, являлась следствием многолетних тренировок, и текущей специфики работы, когда любое, даже самое незначительное отклонение от душевного равновесия могло привести к серьезным последствиям.

Вне работы они становились обычными людьми, но Сергей уже не воспринимал этого: проследив взглядом за очередным, покидающим свой кабинет сотрудником, он видел лишь холодное сосредоточенное лицо, да погруженный в себя взгляд, который частенько скользил по нему, не замечая, словно по предмету мебелировки.

Все это бесило Сергея, порой доводя его до состояния бессильной ненависти к «имплантированным уродам», – так мысленно называл Раушев мнемоников.

Зачем ей понадобился стек-голограф?

Мысли, пробежав по замысловатым петлям неприязненных ассоциаций, вернулись к стартовому вопросу.

За несколько месяцев службы на данном уровне он успел усвоить, что мнемоникам вообще не требуется никакого оборудования, все «свое» они, согласно древней поговорке, носили при себе...

Вспомнив холодную усмешку и фразу, хлестнувшую по нему, будто пощечина, Раушев решительно коснулся сенсора внутренней связи.

Докладывать обо всех неординарных событиях на вверенном ему уровне то же входило в прямые обязанности Сергея.

* * *

Ее вызвал начальник уровня, когда до конца рабочего дня оставался всего час.

Все-таки вычислили. – Не без досады подумала Селена, передавая контроль над своим участком сети автоматическим системам.

Войдя в кабинет, она спокойно взглянула на Дональда Келли, – в отличие от мнемоников тому не было нужды со-

блюдовать инкогнито.

– Мисс Лаумер, – ровно, даже немного вкрадчиво произнес он, жестом приглашая Селену сесть. – Зачем вам понадобилось дополнительное оборудование?

Ага, значит это Раушев. – Мгновенно поняла Селена.

– Для подстраховки, господин Келли. – Вслух произнесла она.

– Да? – Искренне удивился тот. – Неужели кибермодули подводят?

– Нет. Подводят не модули. Я неважно себя почувствовала.

– Почему в таком случае вы не доложили об этом?

– Временное недомогание. Сейчас все в порядке.

Глаза Келли хищно прищурились.

– Мне кажется, вы что-то недоговариваете, мисс Лаумер. Данные с центрального узла телеметрии свидетельствуют о несанкционированном выходе в Интерстар. Вы можете опровергнуть или объяснить эти сведения?

Селена не опустила глаз.

Что-то творилось в душе в последнее время. Почему раньше, она относилась ко всем сотрудникам корпорации ровно, без эмоций, а теперь они вызывают у нее подсознательное раздражение?

Вот и сейчас, глядя в глаза начальника уровня, она поймала себя на мысли, что отдать мнемоническую команду расположенному за спиной Келли бытовому терминалу для нее

дело одной секунды. Думает ли он об этом, угрожая ей взглядом?

Ну, да, мало тебе на сегодня волнений и неприятностей? – Одернула себя Селена.

– Киберсистема неверно интерпретировала мысленные импульсы. – Ответила она и внезапно перешла в наступление:

– Вы вынуждаете меня озвучивать аспекты личной жизни.

– В смысле? – Не понял ее намек Келли.

– Недомогание, которое я ощутила, не физического плана.

Это связано с чувствами.

– Уточните, мисс Лаумер, иначе, не получив внятных объяснений, я буду вынужден доложить по инстанции. Это чревато серьезными последствиями для вас.

– Я не выходила в Интерстар. Я лишь думала о нем. Думала о конкретном фантомном мире.

– Это не объясняет...

– Вы мнемоник? – Селена решила не отступать от избранной линии поведения, тем более она не чувствовала за собой настоящей вины.

– Нет.

– Тогда как вы можете рассуждать о том, чего не испытывали? Да, я отвлеклась в мыслях, и не смогла справиться с эмоциями. Вы когда-нибудь любили, мистер Келли?

Дональд угрюмо промолчал.

– Можете проверить данные со стек-голографа. – Не до-

ждавшись ответа, продолжила она. — Чувствуя, что отвлекаюсь, я лишь подстраховалась на случай...

— Хорошо, мисс Лаумер. Я понял. — Взгляд Дональда Келли стал иным, тяжелым, словно зрачки внезапно налились свинцом. Я обязательно проверю всю информацию, не сомневайтесь. — Он продолжал тяжело и пристально смотреть на Селену. — Значит, вы представили определенное место в сети, даже мысленно проложили к нему путь через несколько станций ГЧ, а киберсистема восприняла это как реальный выход в Интерстар?

Она секунду помолчала, а потом ответила:

— Я мнемоник пятого уровня. Если вам нужны доказательства того, как воспринимают мои подсознательные порывы кибернетические устройства, подумайте о бытовом автомате, который у вас за спиной. Мне кажется, что емкость с кипятком для кофе, примерно на уровне... поясницы?

Келли резко обернулся, словно его уже ошпарили.

Впрочем, нужно отдать должное, он быстро взял себя в руки.

— Вы свободны, мисс Лаумер. Думаю, что инцидент исчерпан. — Он даже выдавил из себя кислую улыбку.

— Спасибо, мистер Келли. Всего хорошего.

Когда за Селеной закрылась дверь, начальник уровня осторожно снял предохранительный кожух с бытовой машины.

Действительно, резервуар для кипячения воды находился

на уровне... его задницы.

– Вызовите ко мне Раушева. – Хмуро произнес он в интерком.

* * *

Селена вернулась домой около восьми часов вечера.

На улице по-прежнему бесновалась непогода, дождь не прекращался уже вторые сутки, весна наступила ранняя, но холодная, капризная.

Дома царил уют. Бытовая киберсистема включилась за час до возвращения хозяйки: еще в прихожей она ощутила приятное сухое, ароматизированное запахами леса тепло, исходящее из кондиционеров климат-контроля, в ванной комнате тихо журчала вода, в гостиной ее ждал ужин, доставленный из ближайшего автоматизированного ресторана.

Она разделась, босиком прошла к столу, и, не притрагиваясь к еде, сделала глоток кофе.

Тревога не отступала.

Панорама промокшего города за окном заставила ее пожить и, тут же, реагируя на мысль хозяйки, заработал тонкий слой полимерного экрана, сменив реальный вид на электронное изображение цветущей кыюиганской степи.

Да, теперь хорошо.

Внешний мир как-то разом отделился, словно его попросили выйти, покинуть сознание.

Остался лишь запаха леса, тепло... и не проходящая тревога.

Утопая босыми ногами в мягком покрытии пола, Селена с чашкой кофе заглянула в свой кабинет. Здесь все напоминало о работе. На столе, открытые на середине, лежали два раритетных издания в потрепанных переплетах. Слишком тяжелые, громоздкие, неудобные, да к тому еще и обветшалые, как любая старинная книга, исполненная на пластбумаге.

Сейчас у нее не было настроения читать. Два тома «руководства хакера» изданные более полутора тысяч лет назад на далекой Земле, были приобретены ей по случаю, и, несмотря на древность, оказались весьма полезны, актуальны в практическом смысле. Листая пожелтевшие страницы, она с удивлением обнаружила, что за полтора тысячелетия неузнаваемо изменилась техника... но не люди.

Побудительные мотивы, толкавшие талантливых программистов на опасный, скользкий путь кибрайкеров были стары как мир. Селена пыталась понять психологию тех, с кем ей приходилось бороться. Бороться, но не судить. Ее собственная судьба предостерегала от поспешных осуждающих выводов, – она слишком хорошо знала, что такое родиться в небогатой семье, в молодой колонии Окраины.

Здесь существовал очень узкий выбор жизненных перспектив, да и условия на недавно освоенных планетах резко отличались от благополучных Центральных миров, где исконная жизнь враждебных человеку биосфер давно уже су-

ществовала только в заповедниках.

Множество факторов, складываясь вместе, влияли на судьбы целых поколений. Украина жила по древним законам джунглей, к которым необходимо добавить безраздельную власть денег и корпоративный образ мышления власть предержащих.

Не лучшее место для свободного и гармоничного саморазвития.

Раньше она не задумывалась над такими вопросами.

Некогда было философствовать. Нищета, познанная в детстве, трансформировалась в пору юности в стойкое, подсознательное желание вырваться из среды убого существования. Для этого казались хороши все способы, и она, вопреки воле родителей, пошла на рискованные операции, добавившие ей четыре импланта... Благодаря этому шагу, в котором была немалая доля риска, (не все выдерживали операции по внедрению нейромодулей) она получила шанс... и одновременно стала персоной «нон грата» в большинстве звездных систем Конфедеративного Содружества.

У каждой медали есть своя обратная сторона. Теперь ее жизнь принадлежала Украине, и, повзрослев, накопив немалую долю жизненного и профессионального опыта, Селена невольно стала задумываться, а не готовили ли в той же клинике потенциальных кибрайкеров?

Интуиция подсказывала: да, готовили. Борьба между промышленными группами Украины шла постоянно, переходя

от фазы открытых столкновений к периодам относительного спокойствия, когда молчали орудийно-ракетные комплексы боевых космических кораблей... Однако, между вспышками насилия противостояние продолжалось, принимая иные, менее заметные формы.

Ей просто повезло: Селена защищала информацию, а не крада ее, – это создавало иллюзию законопослушности, давало право думать о верном жизненном пути, позволить себе роскошь не замечать взглядов того же Раушева, который сумел вложить в одну фразу – *«насквозь имплантированная»*, – всю степень своего невежества, страха и необоснованного презрения к мнемоникам.

А что если завтра судьба повернется иначе? – Подумала она, с наслаждением погружаясь в горячую воду. Пена лопалась радужными пузырьками у самого подбородка, теплые струи ласкали уставшее тело, но мысли... Вспомнился сегодняшней прокол на работе. Он вполне может повлечь за собой серьезные последствия, – мнемоник нарушивший запрет, пусть на несколько секунд, но покинувший свой пост, оставив без защиты вверенный участок сети, должен понести наказание.

Хорошо если отделаюсь простой взбучкой. Она, конечно, понимала, что специалистами пятого уровня не разбрасываются, но все же... что бы она сделала, оставшись без работы? Ведь система пятого Омикрона являлась вотчиной корпорации «Эхо», и найти здесь работу так или иначе не свя-

занную с правящей корпорацией было практически невозможно. К тому же, она знала слишком много корпоративных секретов...

Мысли внезапно приняли совсем иное, пугающее направление.

Меня никогда не уволят. Просто уберут, устранят физически, если я стану неблагонадежной. – Она впервые подумала о такой перспективе, и кожа вдруг покрылась мурашками, не смотря на горячую воду.

Нет, конечно, она верила, что все обойдется. Ну, дадут премию Раушеву, ее некоторое время будут держать под строгим контролем, а потом все вернется на круги своя.

Нежиться в горячей воде вдруг расхотелось. Нарисованная воображением перспектива грубо, без иллюзий повернула ее лицом к реальности.

Выходит я заложница корпорации, вечный житель пятого Омикрона, без права поменять работу или эмигрировать на другую планету? – Селена подумала об этом уже без страха – когда это было необходимо, она могла держать свои эмоции под строгим контролем, но ничего приятного в подобных размышлениях она не находила...

Оставалось одно верное, проверенное средство – послать проблемы куда подальше. Не настолько они глубоки, чтобы испортить себе вечер, угрюмо размышляя над гипотетическими перспективами.

Вернувшись в гостиную, она села в глубокое кресло и за-

крыла глаза.

Тепло, уют и предвкушение счастья. Даже угнездившаяся в подсознании тревога, вызванная утренними и дневными событиями, не могла повлиять на эти чувства.

За стеной в кабинете, на терминале компьютерной сети трепетно заморгал огонек индикатора.

Не слишком ли для одних суток? Неужели после утомительного рабочего дня ее снова влекла Сеть, как будто реальный мир предлагал мало возможностей для отдыха и развлечений?

Это всего лишь вопрос предпочтения. В век высочайших технологий люди, наконец, получили право сами выбирать среду обитания для своего рассудка. Селена и раньше предпочитала отдых в виртуалке, а с тех пор как в ее жизни появился Ветер, вселенная фантомных образов обрела новый смысл. Ей казалось, что она уже давно живет двумя тесно переплетенные между собой жизнями, которые, гармонично укладываясь в одно сознание, создавали ощущение пусть иллюзорной, относительной, но свободы...

Ветер... Ее милый ласковый Ветер...

Они никогда не встречались в реале, не затрагивали вопроса внешности или возраста, единственным исключением являлось убеждение Ветра, что Селена – существо женского пола, а она, соответственно, воспринимала его как мужчину. Они не обменивались подобной информацией, но знали это наверняка, потому что встречались уже больше года, а

играть роль, (пусть даже она привычна, как старая, любимая рубашка), на протяжении такого отрезка времени попросту невозможно.

Губы Селены тронула легкая улыбка.

Проверено. В мире твердых вещей невозможно скрыть свой истинный облик, но можно глубоко спрятать, *исказить* душу, в Сети же наоборот – души людей проявляются явно, они вольно или невольно раскрываются, формируя *образы*, которые с лихвой компенсируют все остальное...

Эта философия проста, хотя новичку может показаться сложной, неудобной, даже порочной... пока он сам не коснется первой души, открывшейся ему на необъятных просторах виртуальной бесконечности.

Мир физический груб, материален, он полон удручающей окончательности, которая делит нас на социумы, жестко прививая стереотипы, карая жизненными неудачами тех, кто не умеет противостоять ему...

В Сети все иначе. Правила здесь порой жестче, агрессивнее... но киберпространство предоставляет человеку полную свободу выбора.

В жизни ты можешь быть кем угодно, но, единожды попав сюда, сумев удержаться в Сети, становишься ее обитателем, со всеми вытекающими последствиями.

...Перед мысленным взором, отвечая на нервный импульс, тут же возник тоннелеобразный зев виртуального входа в киберпространство.

Официальный информационный узел системы пятого Омикрона.

Здесь как всегда было многолюдно. Фантомы, общавшиеся друг с другом, находились в иллюзорно замкнутом помещении, стены которого покрывало множество рекламных пространств, меж которыми располагались неприметные на первый взгляд двери, привычно олицетворяющие доступные каналы связи с серверами иных звездных систем.

Селена приостановилась, осматриваясь.

Невольно вспомнились первые осторожные, неопытные выходы в Сеть, и ее губы опять тронула легкая, чуть ироничная улыбка. Как просты и понятны были для нее сейчас толпящиеся вокруг призраки, но, сколько пришлось пережить, прежде чем пришел *опыт*, выработалась интуитивная способность распознавать характер собеседника по мелким, едва уловимым для неискушенного пользователя признакам.

Не перечислить, сколько событий, чувств, хранила ее память, сколько судеб и историй промелькнуло перед глазами, как будто то была плата за приобретаемый опыт... Чаше всего она поначалу сталкивалась с трагедиями... ей встречалось много, слишком много одиноких молодых девушек и женщин, ведущих себя не то чтобы странно... но и не совсем нормально, попадались и просто раздраженные личности, которые приходили в места виртуального общения, чтобы слить, как в отстойную яму, свой негатив.

Самые резкие впечатления, конечно, оставляла категория

людей, которые, прячась за фантомным инкогнито, специально пытались сломать душу собеседника, получая от этого непонятное, ведомое лишь им удовольствие. Почувствовав новичка, они, словно мифические вампиры, начинали выматывать его, выворачивая сознание душераздирающими историями или доверительно-расслабляющими разговорами, оканчивающимися, как правило, какой-нибудь гадливой насмешкой или оскорблением, а потом успокоенные и «сытые» они просто исчезали, уходили из виртуального пространства... к семье, детям, работе... или, быть может просто отправлялись спать.

Теперь Селена имела достаточно опыта, чтобы, оглядевшись вокруг, машинально и точно разделить окружавшие ее фантомы по узнаваемым категориям. Она давно усвоила, что в виртуальном мире люди произвольно трансформируются, иногда сами не подозревая, что выставляют напоказ потаенные глубины собственной души. Научившись ощущать эти перемены, выделять странности в поведении окружающих, ей стало намного проще. Например, среди прочих закономерностей она уже давно поняла, что чем старше мужчина, тем неадекватнее он себя ведет: ноет, жалуется, изображает чуть ли не капризного мальчика-школьника. Селене было смешно на них смотреть, – таких типов она обходила стороной, как и подростков с которыми ей сложно общаться из-за определенных юношеских исканий последних.

Впрочем, не все обстояло так плохо. Пережив первый, са-

мый трудный период адаптации, она все чаще стала встречать нормальных, здравомыслящих людей, талантливых, а иногда просто хороших, приятных собеседников, общение с которыми не оставляет после себя чувства потраченного зря времени...

...Сегодня она не стремилась к общению, – окинув взглядом разноцветную тусовку, Селена направилась к виртуальным дверям, которые открывали доступ к иным звездным системам.

Феерические вспышки переходов, мелькание размазанных, полуосознанных картин слилось на некоторое время в ощущение стремительного полета, – она двигалась со скоростью информационного потока, заранее определив конечный пункт своего назначения.

Последняя вспышка на миг ослепила внутренний взор, и в лицо тут же пахнуло прохладой, резко, пронзительно пришел запах хвойного леса, вокруг начали проступать образы замшелых столетних деревьев, окружающих сумеречную поляну, по которой блуждали косые столбы солнечного света, пробивающиеся сквозь кроны вековых сосен...

Этот фрагмент виртуальной бесконечности создал ОН.

Маленькая поляна посреди глухого леса поражала ощущением глубочайшего покоя, и редкой даже для Интерстара достоверностью, – вот и сейчас, сделав шаг по шелковистой траве, она почувствовала прикосновение каждой травинки, одновременно ощущая, как среди подлеска скользит тихий

вкрадчивый *Ветер*.

Сломанная ветка исчезла. Значит, он сегодня пришел пораньше, и убрал тревожный знак, восстановил гармонию, чтобы не тревожить любимую, еще не зная, что она первой обнаружила чужой след.

– Выходи... – Она оглянулась, не в силах сдержать улыбки. Тревога на миг отступила, хотя Селена чувствовала, – разговора не избежать. Сегодня им придется испытать свое инкогнито на прочность, но... чуть позже.

Воздух за ее спиной начал сгущаться, ласковые знакомые руки накрыли ладонями ее глаза...

Сердце вздрогнуло.

Он то же вздрогнул, это ощущалось по трепету пальцев.

– Здравствуй родная...

– Здравствуй, Ветер...

Чувства упорно выталкивали в сознание *реальные* ощущения тела, которое осталось невероятно далеко, – ведь ее разум находился сейчас в десятках световых лет от пятого Омикрона.

Как же такое возможно? Откуда идет тепло, почему она ощущает его дыхание? Селена много раз задавал себе эти вопросы, и находила три причины в ответ: во-первых, ее любимый обладал не меньшим набором имплантированных кибермодулей, чем она сама, во-вторых, созданный им мир был выполнен с применением неизвестных даже ей технологий, дающих высочайшую степень детализации, какую труд-

но отыскать во всем многообразии виртуальных пространств Интерстара, и, наконец, в-третьих, они оба уже имели опыт реальной любви, не важно насколько счастлива та была, — главное их разум *запомнил* все чувственные ассоциации и теперь вызывал их из подсознания, облекая в форму сиюсекундных реакций...

Эти выводы являлись плодом долгих размышлений, ну а сейчас Селена радовалась его появлению, и мысль, промелькнувшая в сознании, была совсем другой, она звучала в унисон ощущению счастья и одновременной тревоги:

Где же ты дуешь мой милый Ветер? — Невольно подумала она. — *Где твой исток, то слабое движение воздуха, что вдруг крепнет, обретая силу порыва страсти?*

Селена привыкла разговаривать образами. Даже сама с собой. Это Сеть накладывала на разум свой неизгладимый отпечаток. Вот он, рядом, рука ощущает его руку, но пройдет миг, внезапно смениться настроение, и образ Ветра вдруг начнет таять, растворяясь зыбким маревом, или закружит по поляне шаловливым смерчем...

А чем была бы Сеть без подобных метаморфоз?

Селена улыбнулась краешком губ. Она тоже умела кое-что, и они часто забавлялись, удивляя друг друга, но сегодня они оба почувствовали: есть важный разговор.

Ветер, взяв ее за руку, медленно пошел вглубь леса, по прихотливо изгибающейся тропке.

Когда они вышли на поляну, где поперек ручья, обра-

зря тихую запруду, лежал замшелый сосновый ствол, Селена остановилась, заставив его повернуться.

– Ты видел сломанную ветку, Ветер? – Не пытаясь скрыть своей тревоги, спросила она.

Он повернул голову, посмотрев в ту сторону, где утром белел свежий излом, и кивнул.

– Я уже все исправил. – Мягко ответил он, явно желая успокоить ее, и больше не возвращаться к теме вторжения.

Поняв, что Селена приходила сюда утром, он предостав-
лял ей выбор: промолчать, принимая все как есть, или...

– У меня плохое предчувствие. – Селена произнесла это твердо, категорично, как будто на миг вернулась в офис кор-
порации.

Нет, он все же не хотел принимать ее серьезного тона, – его силуэт вдруг утратил резкость, заструился мелкими, едва
ощутимыми дуновениями, которые ласково касались ее ли-
ца, нежно перебирали волосы, да и голос Ветра стал похож
на вкрадчивый шепот:

– Мне кажется, ты зря тревожишься. Обыкновенный
сбой...

Она попыталась поймать его, но лишь ощутила, как кру-
житься воздух, сплетая вокруг эфемерную сеть дуновений.

– Нет. Это был не сбой. – Она на миг запнулась, а потом
добавила:

– Извини, но я проверяла.

– Проверяла? – Фантом Ветра резко стабилизировался,

приняв почти непроницаемую материальность. – Селена...

– Я готова говорить об этом. Твой мир был атакован. Сюда вошел кто-то чужой. Грубо вломился и очень искусно вышел, не оставив мне шанса отыскать его след в Интерстаре. Так может работать лишь опытный, самоуверенный кибрайкер. – Она присела на мягкий ковер мха у запруды и в ожидании его ответа, вернее встречного вопроса, посмотрела на свое отражение в воде.

Виртуалка...

Волшебное слово. Несомненно, Интерстар являлся психологическим наркотиком, вызывающим неизлечимое привыкание. Настоящие обитатели фантомных вселенной дорожили ими не меньше, а порой даже больше чем миром материальных ценностей. Здесь существовали свои нюансы бытия, и в соответствии с ними накапливался совершенной иной, непригодный для «обычного» существования жизненный опыт. Киберпространство имело свои законы, но если в реале о некоторых истинах говорят, что они написаны кровью, то тут уместнее было иное высказывание.

Законы виртуалки написаны болью многих разочарований, за редкими, почти мистическими исключениями.

Она подняла взгляд.

Ветер стоял неподвижно, будто статуя. Казалось, он даст ей время, чтобы завершить внутренний спор, и, глядя на него, Селена вдруг пронзительно *почувствовала* свой подсознательный страх. Страх перед тем, что образ близкого суще-

ства вдруг разрушиться, принимая черты физической окончательности. Ведь назвав себя, она как бы потребует взаимной откровенности в ответ... Той откровенности которая может разрушить иллюзию...

Почему людей так тянет в мир грез?

Если на миг отбросить все прагматическое, забыть об информационной и сугубо деловой составляющей Сети Интернет, то на поверхности оставался лишь один ответ: сюда приходили в поисках мечты.

Да, у всех она разная. Кто-то тоскует без тепла человеческой души, кто-то жаждет острых ощущений, иные не скрывают своих извращенных наклонностей, – виртуалка многолика и в то же время анонимна, – каждый находит здесь то, что искал... но не все способны абстрагироваться от условностей материального бытия, и такое невольное наложение двух разных систем, часто приводило к непоправимым, трагедиям, сломанным судьбам и даже смертям.

Селена уже обжигалась на этом, еще до знакомства с Ветром.

Они и сблизились, наверное, лишь потому, что оба имели свой опыт разочарований.

– Ты ждешь моих пояснений, Ветер?

Он повернул голову.

На миг его лицо утратило ясность, как будто что-то смазало черты, формируя совсем иной облик, но Селена успела заметить лишь глаза – карие глаза, которые взглянули на нее

из Бездны, словно вокруг была пустота... или в его зрачках промелькнул и тут же исчез опыт многих трудных жизней?

Сердце сжалось.

Вот она черта, которую нельзя переступать. За ней всегда будет названа цена узнавания.

– А ты смогла бы? – Спросил он.

– Отследить кибрайкера? – Уточнила Селена.

– Да.

– Теперь не знаю. – Она посмотрела на злополучное место и добавила. – Ты тщательно все убрал. Боюсь сейчас мне уже не за что зацепиться.

Селена подняла взгляд. Ей не хотелось услышать вопрос из его уст, и потому она продолжила, глядя в лицо Ветру:

– Я мнемоник. Пятого уровня. «Насквозь имплантированная», как высказался сегодня один тип в реале. Моя специализация – защита.

Ветер нахмурился.

Она впервые видела такое выражение его лица. Он часто бывал серьезным, но таким, хмурым, глядящим исподлобья – никогда.

– Милая, – Он присел рядом. – Ты...

– Начинаю раскрываться, да? – Она неотрывно смотрела в его глаза. – Я испугалась за тебя, понимаешь? Уровень профессионализма, на котором создан этот мир, недоступен подавляющему большинству программистов. Сначала я думала, что ты использовал Логр для его создания.

– Нет. Здесь только наши, человеческие технологии.

– Значит, моя тревога оправдана. – На ее глаза вдруг навернулись слезы. – Ветер, милый, я люблю тебя. Мне страшно, что ты исчезнешь.

Любовь... Что она делает с людьми? Разве есть для нее границы, условности, запреты?

Просто тревога... и тревога за любимого – это два родственных, но совершенно разных по силе чувства.

Ветер понимал это.

– Ты все же преувеличиваешь степень опасности. – Ответил он и тут же нежно добавил:

– Моя защитница. Я догадывался, что ты мнемоник. Хочешь, я немного расскажу о себе, чтобы ты успокоилась?

– Зачем? – Губы Селены дрогнули. – Ты думаешь, это будет хорошо? Правильно?

– Не знаю. – Ветер, зачерпнул пригоршню воды и, омыв лицо, сел на замшелый ствол. – Ты права, вторжение было серьезным. И осуществил его не обычный кибрайкер. Я постараюсь найти его и наказать.

Найти и наказать.

Если бы Селена не знала так много о сети, она, возможно, успокоилась бы на этом. Но ей мешал опыт, приобретенный за годы работы на корпорацию. Сегодня все пошло не так, их свидание превратилось в серьезный разговор, с непредсказуемыми последствиями. Создать такой мир, и спокойно обронить, как бы между прочим: «я накажу его», когда речь

идет о профессионале экстра-класса...

– Кто же ты, Ветер?... – Губы сами прошептали эту фразу. Она шагнула за черту.

Он исчез, потом появился, потревожив мелкой рябью зеркальную поверхность запруды, и снова возник рядом, уже сидящим на мягкой подстилке мха.

– Я Ветер. – Он на некоторое время умолк, словно хотел поставить точку в объяснении, но затем, подчиняясь неведомому для Селены порыву, все же решился продолжить:

– В своей жизни я много терял. Потом мне стало казаться, что все уже позади, и ничто не сможет более потревожить меня, вернуть давно отболевшие чувства... я стал холоден, равнодушен и лишь созерцал... пока не встретил тебя.

Селена слабо улыбнулась.

– Прости, милая. – Продолжил он. – Раз уж этот разговор состоялся, выслушай меня, не пугаясь, ладно?

– Я постараюсь. – Она кивнула.

– У меня действительно возникли небольшие неприятности. В реале. – Уточнил он. – Не настолько серьезные, как кажется, но раз кто-то проник сюда, в мир, созданный лишь для нас двоих, то я прошу: будь внимательна и осторожна. Ты единственный человек, кто по-настоящему дорог мне, и этим могут воспользоваться. Не верь никому, кроме самой себя. Если в реале у тебя вдруг возникнут проблемы, постарайся скрыться, исчезнуть, найти безопасное место для своей физической оболочки и приходи сюда.

– Ты пугаешь меня. – Она произнесла это совершенно искренне.

– Нет, я предостерегаю. – Поправил ее он.

Ветер посмотрел на Селену, но на этот раз его черты не исказились, они остались прежними, лишь нежная улыбка тронула губы.

Кто же ты? – Эта мысль уже не покидала ее, засев в душе, как заноза.

– Давай отложим эту тему. – Предложила она. – Я обещаю, что буду осторожна, и мы останемся сами собой, как прежде, ладно?

– Хорошо. – Он коснулся ее губ ласковым дуновением. Это был поцелуй, мягкий, теплый...

Селена ответила на него, хотя в душе все еще был ледяной комок, но спустя мгновение он растаял.

– Мой милый, беспокойный Ветер... – прошептала она.

Он ласково перебирал ее волосы, заглядывал в глаза, опять касался губ, не зная повториться ли это завтра?

Хотелось, чтобы во Вселенной осталась лишь Виртуалка, а весь остальной мир исчез навсегда, чтобы можно было не опасаться его грубых порывов, а нежно любить близкую тебе душу...

Он не солгал, сказав, что много терял.

Слишком много, чтобы называть себя Ветром, которым он никогда бы не стал... если бы не Селена, которая разбудила его душу от летаргического сна...

Теперь он знал, что опасность угрожает не только ему, но и ей. Для него это был достаточный повод, чтобы нарушить установленные для себя правила, рискнуть, раскрыться, вновь вступить в тот мир, который он когда-то проклял...

Лишь бы ничто не задело ее... Тогда я смогу оставаться Ветром.

Он проживший столько судеб, дважды терявший все, без остатка, снова сумел поверить, что любовь способна изменить жестокий, бескомпромиссный мир физической реальности, где все имеет свою цену и вес.

Селена коснулась ладонями его лица, и неприятные обжигающие рассудок мысли на миг померкли...

Что стоил весь горький жизненный опыт по сравнению с этим прикосновением? Он благодарно закрыл глаза, впитывая тепло ее ладоней, упорно не замечая, что реальность не просто приблизилась, а уже ломиться в его дверь...

– Ты знаешь, у меня в реале есть маленькая планета. – Подчиняясь внезапному внутреннему порыву, прошептал он, так и не открыв глаза. – Она пыльная, с сильными ветрами и постоянными песчаными бурями. И все же я люблю ее...

* * *

9 апреля. Утро...

Обычно дорога от дома до работы занимала у Селены не

более получаса.

Покинув подъезд небоскреба, она прошла по длинному прозрачному пешеходному тоннелю, который вел над ущельем улицы и, дождавшись пустой пневмокабины, вошла внутрь закругленного с обоих торцов цилиндра. Сев в кресло, Селена приложила к сканирующей системе свою статкарточку, чтобы автоматика считала с нее личный код и стандартный маршрут движения.

Через секунду двери закрылись, и мягкий толчок ускорения возвестил о том, что индивидуальная кабинка вошла в сложную сеть городских транспортных артерий.

Селена прикрыла глаза.

Из мыслей никак не уходила тревога, и ей вдруг вспомнилась самая первая встреча с Ветром.

...Они познакомились случайно, – это произошло год назад на специальном смотровом сервере, организованном Советом Безопасности Миров для граждан Конфедерации, желающих получить информацию о недавно открытом шаровом скоплении звезд, где обитали три древние расы: Логриане, Инсекты и Хараммины.

Устроители данной смотровой площадки не пожалели труда и средств: в обитаемых мирах ходило множество самых противоречивых слухов, касающихся новых членов Конфедеративного Содружества, а искаженная информация способна скорее породить разного толка фобии, нежели способствовать взаимопониманию между молодым, энергич-

ным человечеством и наследниками древних цивилизаций.

Здесь действительно было на что посмотреть.

Селена, впервые оказавшаяся на данной виртуальной площадке, поначалу немного растерялась: огромное пространство, смоделированное в виде овальной плоскости, накрытой иллюзорным защитным куполом (не все экскурсанты были готовы ощутить себя стоящими в вакууме, многие, особенно те, кто посещал сеть эпизодически, мыслили стереотипами реального пространства, невольно перенося в виртуалку бремя физических законов) парило без видимой опоры на условной границе угольно-черного, лишённого звезд провала, который исторически носил название «Рукав Пустоты».

Серебристые, немигающие точки освоенных людьми звездных систем остались далеко позади, справа и слева от условного входа царил бездонный мрак, а в том направлении, куда вытягивалась смотровая площадка, чуть выше условной линии горизонта полыхал ослепительный сгусток шарового скопления.

Вуаль логрианских устройств более не скрывала его от постороннего взгляда, и теперь часть печально известного, казавшегося непреодолимым Рукава Пустоты попросту исчезла, уступив место феерическому сиянию сотен тысяч звезд.

Селена остановилась, пораженная красотой увиденного.

Шаровое скопление имело четко выраженное ядро, от которого исходил ослепительный свет, и поэтому взгляд не задерживался на центральной части сгустка, а невольно со-

скальзывал на периферию, где звездная плотность постепенно уменьшалась, а сами светила образовывали сложные узоры, будто неведомый ювелир прихотливо выложил на фоне бархатистой тьмы замысловато переплетенные нити драгоценных камней...

В первый момент воображение отказывалась понимать, что каждая из сияющих во тьме точек — это звездная система.

Жизнь в шаровом скоплении равномерно распределялась по периферии; там где сиял сгусток ослепительно света звездная плотность достигала огромных величин, при которых невозможно формирование устойчивых планетных систем.

Сотни, тысячи новых планет, уже известных и еще не открытых, таились среди феерии звездного огня, и, как знала Селена, все без исключения миры переполняла древняя жизнь. Три миллиона лет в скоплении правила Квота Бессмертных: за это время голубокожие гуманоиды полностью подчинили себе Инсектов и Логриан, цивилизации которых утратили память о своем былом величии.

Теперь все изменилось. Неудержимый порыв Человеческой экспансии прорвал защитную вуаль древних логрианских устройств, и Хараммины, которые сами успели позабыть, что за границами Вуали простирается необозримый простор Вселенной, оказались поставлены перед фактом: еще немного и первопроходцы из числа людей начнут массово проникать в скопление.

Для членов Квоты Бессмертных, узурпировавших технологию Логров, это означало конец безраздельного владычества. Они понимали, что молодая, экспансивная раса, прорвавшая вуаль забвения, просто вернет Логрианам и Инсектам знание о бесконечности Вселенной: люди укажут порабощенным расам на разрушенный Логрис, обветшалую Сферу Дайсона, когда-то построенную разумными насекомыми вокруг своей родной звезды, и переполнившиеся за три миллиона лет мираы восстанут, сметая власть голубокожих хозяев жизни.

...Эти мысли промелькнули в голове Селены, пока она смотрела на бесподобно красивый сгусток звездного огня.

Теперь все уже позади, семидневная война, как и реанимация Логриса, принадлежали истории; Инсекты и Логриане вошли в состав обновленной Конфедерации Солнц, в качестве равноправных членов Галактического сообщества, и теперь перед верховным руководством содружества стояла нелегкая задача: донести до миллиардов людей тщательно взвешенную информацию о двух негуманоидных расах, изъявивших желание объединиться с Человечеством ради общего мира и процветания.

Конечно, все обстояло намного сложнее, чем предлагала информационная система данного виртуального пространства, но главной задачей этого информатория заключалась в том, чтобы познакомить людей с чуждыми жизненными формами, дать рассудку визуальные образы, помочь взгля-

ду свыкнуться с обликом ксеноморфов, представив их в дружественном, выгодном для дальнейшего взаимопонимания свете.

...Глаза устали от резкого контраста света и тьмы, и Селена переключила свое внимание на огромное тщательно распланированное пространство виртуальной платформы, где вдоль широких дорог, намеренно обсаженных привычными для людей растениями, застыли фантомные фигуры ксеноморфов, стояли образцы их техники, причудливыми архитектурными ансамблями высились масштабированные копии черных конических городов расы разумных насекомых, а чуть выше парили пространственные конструкции, наглядно иллюстрирующие разнообразные орбитальные поселения Логриан, которые предпочитали причудливые пространственные комплексы тривиальной планетной тверди.

И как завершающий штрих к собирательному образу двух древних космических рас, в центре смотровой площадки медленно вращалась проекция Логриса – иссиня-черный конический вихрь, составленный из миллиардов отдельных Логров; издали он казался чуть размазанным, из-за отдельных кристаллических нитей, которые неплотно прилегали к основному конусу.

Селена долго бродила меж экспонатами виртуального информатория, пока ее взгляд не пресытился фрагментами чуждой жизни.

Устав, она по привычке начала обращать внимание на

фантомы людей.

Сюда приходили поодиночке и парами, попадались даже семьи с детьми, – информаторий, несомненно, успел обрести в короткий срок широкую популярность: одновременно по его просторам перемещались десятки тысяч человек, в скоплении экскурсантов взгляд встречал представителей большинства обитаемых планет, что само по себе было явлением незаурядным.

И все же среди многотысячного скопления экскурсантов, она увидела ЕГО, еще не подозревая в тот миг, кем станет для нее одинокая фигура, застывшая у края смотровой площадки.

Высокий мужчина средних лет, одетый, вопреки модам, во все черное, стоял совершенно неподвижно и, скрестив руки на груди, смотрел не в сторону шарового скопления звезд, а в противоположном направлении, где среди мрака горстью серебристых пылинок были развеяны человеческие миры.

Его поза, облик, направление взгляда мгновенно привлекали к себе внимание Селены. Она умела распознавать фантомные личности, интуитивно угадывая, насколько интересен для нее может стать потенциальный собеседник.

На этот раз оценка происходила чуть иначе... едва коснувшись взглядом одинокой фигуры, еще не видя его лица, она почувствовала, что заинтригована: он будто выпадал из общего пространства, резко диссонируя с пестрой любопытствующей толпой.

Редкий случай: Селена не удержалась, решившись сама подойти к нему.

Он стоял неподвижно, хотя по степени детализации фантома, той физической достоверности, которая угадывалась в каждой детали его темной одежды, было нетрудно предположить: фантом такого уровня, сродни ей самой, он по определению должен быть имплантирован, а значит мог чувствовать, что к нему приближается другая виртуальная личность... но все-таки он не обернулся, пока Селена не подошла вплотную.

Этот миг первой встречи взглядов, ни он, ни она уже не забудут никогда.

Фигура, казавшаяся издали мрачноватой, сумеречной, на самом деле принадлежала человеку лет тридцати, чьи художавые черты лица резко контрастировали с одеждой и глазами.

Мудрый человек сказал, что глаза, – это зеркало человеческой души. Селена встретила глубокий взгляд, который, соприкоснувшись с ее теплыми зрачками, вдруг потянул, будто омут, увлекающий неосторожного пловца в бездонную глубину, и тут же отпустил, потеплел, в ответ на ее тепло, как бы извиняясь этим за нечаянную вольность.

Она не испугалась, – в мире грез страх редко приходит в виде оформленного чувства, наоборот, такой резкий контрастный переход от бездонной глубины к ответному теплу, отмел зародившееся было сомнение в оправданности своего

поступка.

Осталось ощущение таинственности, недосказанности, но, как оказалось, он испытывал то же самое: Селена в первый миг предстала перед ним зыбким сгустком нереального, теплого, ласкового тумана, который стремительно обрел черты молодой женщины... от нее веяло искренним теплом открытой души, и что-то дрогнуло в его чертах, заставило сбросить маску напряжения, застывшую на лице пока он взирал в Бездну.

Киберпространство имеет свои, устоявшиеся веками правила общения, и потому первые слова, произнесенные незнакомыми секундой ранее людьми, не несли тех комплексов, которые присущи любому знакомству в реальном мире.

– Тебе тоже надоели ксеноморфы? – Спросила она.

Он кивнул в ответ, улыбнувшись краешком губ.

– Меня зовут Селена.

Странно, но он на миг промедлил с ответом, словно вопреки правилам у него не нашлось заранее заготовленного сетевого имени.

Или их было несколько, и доли секунды он выбирал...

– Ветер. – Неожиданно произнес он.

Селена удивилась такому не характерному для сети нику, но... в конце концов это было даже здорово, он еще глубже заинтересовал ее.

– Звездный Ветер... – Произнесла она, взглядом указав на россыпь серебристых пылинок.

Он понял намек.

– Оттуда мы пришли. Там наши родные планеты. – Ответил он на вопрос, прочитанный во взгляде Селены. – Посмотри, мы как горсть пыли, развеянная во мраке, а большинство уже стремиться вперед, через сузившийся провал Рукава Пустоты к новым звездам. Разве не странно искать свое счастье там, оставляя за спиной едва освоенные миры?

Селена пожала плечами.

– Может это просто любопытство? Нам нравится заглядывать за горизонт, мы ловим мечту?

Он снова посмотрел назад и ответил:

– В нашей экспансивности есть что-то фатальное. Люди уже перестали замечать, что, двигаясь от звезды к звезде, начинают оставлять после себя настоящие артефакты, принадлежащие не древним расам, а самому человечеству.

В тот миг она не сумела понять скрытого подтекста высказанной вслух мысли, лишь улыбнулась, покачав головой – каждый сам ищет свою дорогу и древнее заблуждение: «хорошо там, где нас нет» все еще успешно владеет умами многих.

– Ты не видишь прекрасного и таинственного за горизонтом? – Спросила она, посмотрев в глаза Ветру. – Тебя не манит этот сгусток звездного света?

Он усмехнулся.

– Не настолько, чтобы сорваться с места и лететь навстречу Чужим. Мне кажется, что много прекрасного, непо-

вторимого остается при этом за спиной, словно мы мчимся вперед в клубах пыли, не замечая окружающих красот.

Селена впервые сталкивалась с подобной трактовкой Экспансии. Ветер явно выделялся среди толпы, впрочем, как и она сама. Его слова находили отклик в душе, с первых фраз тревожа почти позабытые чувства.

– Ты часто приходишь сюда?

– Нет. Только когда возникает желание оглянуться назад.

– Странно. Я думала, что информаторий создан, чтобы люди привыкали смотреть вперед в будущее.

– Да, это так. Но у каждого правила есть исключения, верно? И только от нас самих зависит, как использовать эту площадку.

У каждого правила есть исключения... – фраза Ветра сначала вызвала неосознанный протест, но потом вдруг вошла в унисон с ее собственными мыслями, она оказалась созвучна внутреннему миру Селены, и это, как нередко бывает в киберпространстве, тут же вызвало отклик, похожий на мгновенную интуитивную оценку собеседника, зачастую самую точную, верную, *абсолютную*...

Он решал для себя те же вопросы, что я... – Подумала Селена, и мысль тут же оттолкнулась, словно опытный гимнаст, скользнула дальше, по прихотливым извивам памяти.

Она глубоко вздохнула, внезапно ощутив, что он сделал то же самое.

Все происходило со странной стремительностью, будто

внезапно среди десятков тысяч блуждающих вокруг личностей встретились две давно потерявшиеся половинки чего-то большого...

Селена повернулась, бросив взгляд в ту сторону, куда так пристально смотрел Ветер несколько минут назад, и действительно: сама суть информатория вдруг поменяла свой знак – теперь чужие миры остались за спиной, а впереди, лежала необъятная Бездна, по которой были прихотливо рассеяны искорки звездного света.

Стоило поймать этот ракурс, чтобы понять: он тоже ищет нечто необычное, неординарное в простых казалось бы явлениях...

Киберпространство.

Место, где для соприкосновения душ не требуется преодолевать тысячи условностей, где все просто, понятно и в то же время лежит на зыбкой грани морального фола...

Селена умела чувствовать грань между миром фантомных грез, где душа искала и находила фрагменты сказки, где отдыхал или наоборот стремительно развивался рассудок, и миром реальным, с его налаженной вполне удовлетворительной жизнью, и потому, встречаясь в киберпространстве с новой для себя личностью, она всегда смотрела на нее с известной долей осторожности, исподволь выясняя, насколько душа спрятанного за фантомной маской человека сродни ей самой, чувствует ли он эту грань?

Сейчас она испытывала лишь смятение, без намека на

взвешенную рациональность.

Слишком быстро и спокойно он принял и вернул ее тепло, так, будто знал Селену уже очень давно...

Может быть, в тот день ей стоило просто попрощаться и уйти?

Почему она не сделал этого?

...Ветер, проследив за ее взглядом, внезапно предложил:

– Пойдем туда? Ты встречала когда-нибудь рассвет над Элио?

Она медленно повернула голову. Глаза Селены блеснули влажно, таинственно и тревожно...

– Если ты скажешь – я уйду. – Спокойно произнес Ветер, заметив тревогу и смятение в ее глазах, но именно ровный тон, которым он произнес свою фразу, вдруг заставил Селену решиться.

Она коснулась протянутой ладони, мельком оглянулась через плечо на огромное пространство информатория, где сейчас бродили десятки тысяч ничего не значащих для нее людей, и пальцы затрепетали, вобрав внезапную дрожь его руки.

– Ты будишь во мне что-то давно позабытое... – Тихо сказал Ветер, увлекая ее в мгновенный гиперпространственный переход.

Над маслянистыми водами залива Эйкон, роняя алые капли ауры, пламенели вековые Раворы, — они сияли в предрассветных сумерках, словно причудливые столбы жидкого пламени, и огни расположенного вдоль побережья мегаполиса блекли перед ними.

Это действительно оказалось незабываемым, потрясающим, особенно когда первые краски зари осветили слоистые облака у далекого горизонта, а на галечном пляже стал четко виден одинокий обелиск, установленный на месте посадки колониального транспорта «Кривич».

Они встретили рассвет на Элио, почти не разговаривая, наслаждаясь несказанной красотой природы, и теперь уже Селена в свою очередь увлекла его в стремительный прыжок по каналам Гиперсферной Частоты, чтобы их фантомы материализовались в виртуальном пространстве планеты Эригон, в удивительно красивых пещерах, вырезанных первыми колонистами в толще ледового панциря, покрывающего собой всю планету.

Свет тускло-красного солнца проходил сквозь прозрачный лед, причудливо изламываясь, распадаясь на разноцветные спектральные полосы... казалось что яркими красками полыхает сам воздух вокруг тебя... и снова переход, теперь уже к дивным золотистым пляжам планеты Дион...

Не было нужды в словах, эмоции перехлестывали разум, и смена красот порождала в душе у Ветра странные, неведомые ранее грезы: ему казалось, он видит, как две невесомые, эфемерные души кружат, сплетаясь в причудливых па, над виртуальными пространствами планет, куда более тысячи лет назад впервые ступила нога человека...

Он не хотел покидать киберпространства, потому что знал, как все сложно за пределами фантомных вселенных. Танец душ чуть горек, но легок, а мир физический полон комплексов, запретов и непредсказуемых реакций.

Селена чувствовала то же самое. Она жадно впитывала каждый миг этого внезапного счастья, ей хотелось спрятать образ Ветра в самый дальний потаенный уголок своей души, чтобы это не закончилось никогда...

...С тихим шипением распахнулись пневматические двери кабинки.

Она вздрогнула, открывая глаза.

На улице вот уже третьи сутки подряд моросил дождь.

Глава 3.

Удаленная от границ обитаемого космоса звездная система.

Планета Гермес – признана не пригодной для колонизации.

Статус: Частная собственность.

Неистовый ветер гнал по каменистым пустошам непрекращающуюся поземку оранжевого песка.

В сумраке диск близкой звезды казался кроваво-красным, слегка размытым по краям. На него можно было смотреть невооруженным глазом, но все же люди, один за другим покидающие борт посадочного модуля, опускали защитные светофильтры на забрала своих шлемов.

– Я ничего не вижу. Ты уверен, что не ошибся, Дрейк? – Фрост, экипированный в боевой скафандр, остановился в нескольких шагах от телескопического трапа, тщетно сканируя окружающее пространство.

– Будь спокоен Анджей. Канал гиперсферной частоты указывает именно на эту систему.

– Как ты его отследил?

– Он сам нарушил свое забвение. – Признался Дикс. – Я киберайкер, не забыл, Анжи? И не отношу себя к числу тех неудачников, кто действительно годами пересматривали архивы первой Конфедерации, в надежде найти хотя бы зацеп-

ку, намек... но подобный путь – лишь тщета, пустая трата времени.

– Ты догадывался, что вокруг этой планеты обращается станция ГЧ? – Блеснул проницательностью Анджей.

– Да, но она молчала. Связь с Интерстаром была прервана очень давно и станцию исключили из списка действующих устройств. Никто ведь не знал, где именно она расположена, чтобы слетать и посмотреть, – отчего молчит гиперсферная частота загадочного Гермеса? Я рассудил так: если человек, о котором я тебе говорил, жив, и скрывается тут, то рано или поздно он войдет в сеть. Оставалось лишь расставить сигнальные ловушки и ждать...

– Терпеливый ты. – Скупое похвалил его Фрост, включая сканеры скафандра.

– Результат стоит приложенных усилий, вот увидишь. – Ответил ему Дрейк. – Он выдал себя, создав виртуальный мир, такой степени достоверности, что, взглянув на это творение, я сразу понял: подобный фрагмент киберпространства мог сотворить и исправно поддерживать только ОН. Дальше было несложно. – Дрейк усмехнулся, хотя забрало с опущенным светофильтром полностью скрывало мимику от глаз собеседника. – На всякий случай я постарался определить его цели. Все оказалось весьма прозаично.

– Не понял? – переспросил Анджей.

– Что тут непонятного? Зачем ЕМУ создавать внешний мир?! Я лишь внимательно наблюдал и в итоге понял – он

возобновил связь с Интерстаром ради своей виртуальной подруги. Так что у нас на руках есть весьма серьезный козырь. Она мнемоник, работает на одну из корпораций Окраины, – мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем удалось установить данные ее физической личности. Но, тем не менее, я это сделал, – не без самодовольства сообщил Дикс. – Теперь, если он станет нам мешать, мы просто возьмем его подругу, и используем в качестве аргумента для убеждения.

– Ты приписываешь ему слишком много человеческого.

– Он человек, Фрост, можешь не сомневаться в этом. Просто в некоторых вопросах тебе придется полностью полагаться на мои суждения, и тогда все будет в порядке.

– Хорошо... Посмотрим. Сначала нам нужно отыскать его убежище среди этого содома. Тут всегда так ветрено и пыльно?

– Да. Но для меня песчаные бури лишь еще одно доказательство, что планетоид тот самый. Давай не будем терять время. Площадь для разведки не маленькая.

– Разделимся на две группы. – Кивнул Анжи, отдавая команду своим людям. – Сейчас свяжусь с орбитой, пусть пилоты задействуют сканеры «Сигмы», хотя сомневаюсь, что они помогут в такой пыли...

* * *

У Дрейка не было своих людей, которыми он мог бы ко-

мандовать, зато у него имелась голова на плечах... видел бы ее Раушев, назвавший Селену «насквозь имплантированной», то охранника корпорации «Эхо» точно бы хватил удар...

Драйв вступил на скользкий и опасный путь кибрайкера, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет. С тех пор, как он взломал первый интерстаровский узел, у него не стало ни друзей, ни постоянного места жительства, ни каких-либо иных привязанностей, способных вывести полицию на его след.

За Драйвом охотились. Ориентировки на него имелись в каждом полицейском управлении всех без исключения планет Конфедеративного Содружества, и, тем не менее, он успешно продолжал свою преступную деятельность, несколько не тяготясь статусом вечного беглеца и изгоя.

Наоборот, Дрейка лишь подзадоривал подобный расклад. Иногда, после особо крупных, удачных дел, у него появлялись время и возможность поразмыслить над своим образом жизни, и каждый раз он приходил к одному и тому же выводу – дай ему судьба шанс начать все сначала, он, не колеблясь, пошел бы по прежнему пути.

Этого не объяснить. Как иных людей затягивает в свои тенета страсть к азартным играм, так и Драйв не мог, да и не хотел остановиться, – его ужасала мысль о том, что жизнь однажды может поблекнуть, превратиться в какую-нибудь тягучую рутину, где не будет этого острого, пьянящего ошуще-

ния, когда ты чувствуешь, что скользишь на грани двух пространств, находясь при этом на волоске от смерти (видели когда-нибудь голографический снимок кибрайкера, которого настигла особо изощренная программа-сторож, или уложил полицейский мнемоник)?

Драйв видел. И не на снимках, а воочию.

К тридцати годам он приобрел такой опыт, что мог смело назвать себя самым продвинутым и неуловимым виртуальным преступником, какого еще не знала сеть Интерстар.

При желании он давно уже мог завязать, купить себе индульгенцию, или, на худой конец, – небольшую планету на Окраине, где его не достал бы ни один сыскной агент Конфедерации.

Планету он купил.

Даже заложил фундамент свой резиденции: шикарного, окруженного парками особняка под куполом суспензорного поля, вне которого царил вакуум, и призывно сияли звезды.

Две недели он честно руководил строительством, пока не подвернулось очередное, не очень выгодное, но весьма рискованное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.